

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЛИ ЧАЙЛД

ДЖЕК РИЧЕР:

Смесь brutального экшена и чуткой детективной работы...

Booklist

ЛОВУШКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Джек Ричер

Ли Чайлд

Джек Ричер: Ловушка

«Азбука-Аттикус»

1999

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Чайлд Л.

Джек Ричер: Ловушка / Л. Чайлд — «Азбука-Аттикус»,
1999 — (Джек Ричер)

ISBN 978-5-389-20633-5

Джек Ричер, бывший военный полицейский, после увольнения колесит по всей Америке, наслаждаясь свободой. Но сбережения заканчиваются, и он останавливается в курортном городке, чтобы их пополнить, — днем копает бассейны, вечером подрабатывает вышибалой в баре. Однажды эту размеренную жизнь нарушает частный детектив — как выясняется, Джека разыскивает некая леди из Нью-Йорка. Ее имя ни о чем не говорит Ричеру, и он не придал бы данной встрече значения, если бы вскоре не обнаружил в темном закоулке тело этого самого детектива со срезанными подушечками пальцев. Кто нанял этого человека и кто его заказал? На кого идет охота? Ричер чувствует, что помимо воли втянут в это дело, и отправляется в Нью-Йорк, чтобы найти человека, которому он понадобился. Но его путешествие оказывается гораздо длиннее — это будет путешествие в кровавое прошлое...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20633-5

© Чайлд Л., 1999

© Азбука-Аттикус, 1999

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	50
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ли Чайлд
Джек Ричер
Ловушка

Lee Child

TRIPWIRE

Copyright © Lee Child 1999

This edition is published by arrangement with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency
and The Van Lear Agency

All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с английского Владимира Гольдича, Ирины Оганесовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Моей дочери Рут – когда-то лучшему ребенку в мире, а теперь
женщине, которую я с гордостью называю своим другом*

Пролог

Крюк Хоби своей свободой, положением в обществе, деньгами – иными словами, всей своей жизнью был обязан тайне тридцатилетней давности. И как любой осторожный человек, в том особенном положении, в котором он находился, он был готов на все, чтобы эту тайну оберегать. Потому что мог очень многое потерять. Он мог потерять саму жизнь.

Защита, на которую он полагался почти тридцать лет, основывалась на двух вещах. Тех самых, что используют люди, чтобы защититься от любой опасности. Тех самых, к которым прибегает государство для защиты от вражеского нападения, мирный обыватель – для защиты собственного жилища, а боксер – для отражения нокаута. Обнаружение и реакция. Первый этап и второй. Сначала ты обнаруживаешь опасность, затем реагируешь на нее.

Первый этап являлся системой заблаговременного предупреждения. Она менялась по мере того, как шли годы и возникали новые обстоятельства. К данному моменту эта система была тщательно отработана и до предела упрощена. Она состояла из двух слоев, как две концентрически расположенные натянутые проволоки, о которые неминуемо должен споткнуться враг. Первая находилась в одиннадцати тысячах миль от его дома. Она служила в качестве первого сигнала. Сигнала, который должен привлечь его внимание и сообщить, что к нему подбираются. Вторая – на пять тысяч миль ближе, но все равно в шести тысячах миль от его дома. Сообщение, поступившее отсюда, поставит его в известность, что они уже совсем близко, первый этап подошел к концу и пора приступить ко второму этапу.

Второй этап – это то, как он ответит. Крюк Хоби ни секунды не колебался на предмет того, каким должен быть ответ. Он обдумывал его почти тридцать лет, но уже давно понял, что ответ может быть только одним – бежать. Исчезнуть. Он был реалистом. Всю жизнь он гордился своей смелостью и хитростью, своей твердостью и жестким характером. Он всегда без колебаний делал то, что было необходимо. И знал, что, когда услышит сигнал тревоги, должен будет спастись бегством. Потому что ни один человек не сумеет победить врага, который за ним придет. Ни один человек. Даже такой безжалостный и жестокий, как он.

Опасность уже многие годы подступала к нему, точно морской прилив, и ему часто казалось, что этот прилив вот-вот утащит его за собой. Потом наступали довольно долгие периоды, когда он был уверен, что ему ничто не грозит. Иногда притупляющее все ощущения время помогало ему чувствовать себя в безопасности, потому что тридцать лет – это целая вечность. А порой эти тридцать лет казались одним коротким мгновением, и он ждал, что в следующую минуту зазвучит сигнал тревоги. Он строил планы, подавляя страх, но всегда знал, что рано или поздно ему придется спастись бегством.

Мысленно Крюк Хоби проигрывал эту ситуацию миллион раз. Он предполагал, что первый сигнал тревоги прозвучит примерно за месяц до второго. Этот месяц он использует на подготовку: закончит дела, соберет деньги, переведет свои активы в более надежное место – иными словами, приведет все в порядок. Затем, когда прозвучит второй сигнал, он отправится в путь. Немедленно и без сожалений. Уберется отсюда как можно дальше и постарается не высываться.

Но получилось так, что оба сигнала тревоги прозвучали в один день. Причем сначала – второй. Та ловушка, что находилась ближе, сработала за час до той, что была дальше. И Крюк Хоби не стал спасаться бегством. Он отбросил тридцать лет тщательного планирования и остался, чтобы сражаться.

Глава 1

Джек Ричер увидел, как в дверь вошел какой-то мужчина. На самом деле никакой двери не было. Этот мужчина шагнул сквозь открытое пространство, на месте которого должна была находиться стена. Бар выходил прямо на улицу. Столы и стулья стояли под высохшим старым ползучим растением, дающим некое подобие тени. В общем, помещение с несуществующей стеной, находящееся одновременно внутри и снаружи дома. У хозяев наверняка имелась железная решетка, чтобы ставить ее, когда бар закрывался. Если он вообще когда-нибудь закрывался. По правде говоря, Ричер ни разу не видел это заведение закрытым, а он имел обыкновение приходить сюда в довольно необычное время.

Мужчина вошел и остановился примерно в ярде от входа, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку после ослепительного солнца Ки-Уэста. Стоял июнь, четыре часа дня, в самой южной точке Соединенных Штатов. Намного южнее, чем большая часть Багамских островов. Обжигающее белое солнце и страшная жара. Ричер сидел за столиком в дальней части комнаты, пил воду из пластиковой бутылки и ждал.

Вошедший принялся оглядываться по сторонам. Бар представлял собой помещение с низким потолком, построенное из досок, высохших и потемневших от времени. Складывалось впечатление, что это останки древних кораблей. Тут и там к ним были прикреплены случайные куски самых разных предметов, имевших отношение к морю: какие-то позеленевшие от времени медные штуки, зеленые шары из стекла, обрывки старых сетей. Ричер решил, что это рыболовные снасти, хотя за всю свою жизнь не поймал ни одной рыбы и никогда не плавал на корабле или даже лодке. Впрочем, во внутреннем убранстве бара главное место принадлежало визиткам – наверное, их было не меньше десяти тысяч, – они занимали каждый свободный дюйм, включая потолок. Одни новые, а другие – старые, потрепанные, с названиями предприятий, закрывшихся десятки лет назад.

Мужчина сделал еще шаг в полумрак и направился к стойке. Он был немолод, лет шестидесяти, среднего роста, крупный. Доктор сказал бы, что он страдает избыточным весом, но Ричер видел перед собой сильного мужчину, который стареет, но, подчиняясь течению времени, не делает из этого трагедии. Он был одет как житель северного города, которому неожиданно пришлось отправиться в место, где очень жарко. Светло-серые брюки, широкие вверху и сужающиеся книзу, тонкий мягкий пиджак бежевого цвета, белая рубашка с расстегнутым воротом, белая кожа шеи, темные носки, городские ботинки. Нью-Йорк или Чикаго, решил Ричер, а может, Бостон; большую часть лета он проводит в помещениях или машинах с кондиционером, а эти брюки и пиджак валялись в шкафу с тех самых пор, как он купил их лет двадцать назад, а потом время от времени доставал и надевал при случае.

Мужчина подошел к стойке, засунул руку в карман пиджака и достал бумажник – маленький, распухший, старый, но из хорошей черной кожи. Из тех, что принимают форму всего, что в них кладут. Мужчина привычным жестом открыл бумажник, показал его бармену и что-то спросил. Бармен отвернулся, словно ему нанесли оскорбление. Мужчина убрал бумажник и пригладил седые, влажные от пота волосы, что-то еще сказал, и бармен достал ему пиво из ящика со льдом. Старик на мгновение прижал холодную бутылку к лицу, а потом сделал большой глоток. Тихонько рыгнул, прикрывшись рукой, и улыбнулся, как будто ему удалось разобратся с маленькой, но неприятной проблемой.

Словно в ответ ему, Ричер сделал большой глоток воды. Самым здоровым и крепким мужчиной, какого Ричер встречал в своей жизни, был бельгийский солдат, твердивший, что залогом отличного самочувствия является следующее правило: делай все, что тебе хочется, если ты выпиваешь пять литров минеральной воды в день. Ричер прикинул, что пять литров примерно равны галлону, а поскольку бельгиец был низеньким жилистым парнем, примерно в

два раза меньше его самого, он прикинул, что должен выпивать два галлона. Десять больших бутылок. С тех пор как Ричер прибыл в Ки-Уэст, он так и делал и вскоре понял, что еще никогда не чувствовал себя лучше. Каждый день в четыре часа он садился за один и тот же столик и выпивал три бутылки воды комнатной температуры без газа. И теперь не мог без нее обходиться, как когда-то не мог обходиться без кофе.

Старик стоял боком к стойке бара, пил пиво и изучал помещение. Кроме бармена, в нем находился только Ричер. Старик оттолкнулся от стойки бедром и подошел к нему, помахав в воздухе бутылкой, словно спрашивая: «Можно?» Ричер кивком показал на свободный стул, стоявший напротив, и отвинтил пластмассовую крышку третьей бутылки. Мужчина тяжело опустился на стул, который скрылся под его телом. Он был из тех людей, кто носит ключи, деньги и платки в карманах брюк, и потому казался шире в бедрах, чем был на самом деле.

– Вы Джек Ричер? – спросил он.

Не Чикаго и не Бостон. Нью-Йорк. Его голос напомнил Ричеру одного знакомого, который провел двадцать лет жизни, не удаляясь от Фултон-стрит больше чем на сто ярдов.

– Джек Ричер? – снова спросил старик.

У него были маленькие мудрые глаза под нависшими бровями. Ричер сделал глоток и посмотрел на старика сквозь прозрачную воду в бутылке.

– Вы Джек Ричер? – в третий раз поинтересовался тот.

Ричер поставил бутылку на стол и покачал головой.

– Нет, – солгал он.

У старика поникли плечи от огорчения. Он взглянул на часы, чуть наклонился вперед, словно собирался встать, но затем откинулся на спинку, как будто совершенно неожиданно у него появилось свободное время.

– Пять минут пятого, – сказал он.

Ричер кивнул. Старик помахал пустой бутылкой бармену, и тот принес ему новую.

– Жара меня достает, – сообщил он Ричеру.

Тот снова кивнул и сделал очередной глоток воды.

– Вы знаете Джека Ричера? – спросил старик.

Ричер пожал плечами.

– А как он выглядит? – поинтересовался он в свою очередь.

Его собеседник оторвался от бутылки с пивом, вытер губы тыльной стороной ладони и снова тихонько рыгнул.

– Не знаю, – ответил он. – Мне известно только, что он высокий и крупный. Вот почему я обратился к вам.

– Здесь много высоких крупных парней, – сказал Ричер. – Их везде много.

– Но имя вам не знакомо?

– А должно быть? – спросил Ричер. – И кому же он понадобился?

Старик ухмыльнулся и кивнул, словно извиняясь за дурные манеры.

– Костелло, – представился он. – Рад с вами познакомиться.

Ричер поднял в ответ свою бутылку.

– Агент по розыску сбежавших должников?

– Частный детектив, – ответил Костелло.

– И вы ищете парня по имени Ричер? – спросил Ричер. – А что он натворил?

Костелло пожал плечами:

– Насколько мне известно, ничего. Просто меня попросили его найти.

– И вы решили, что он должен быть здесь?

– На прошлой неделе был, – пояснил Костелло. – У него в Виргинии счет в банке, и он переводит туда деньги.

– Отсюда, из Ки-Уэста?

Костелло кивнул:

– Каждую неделю. Вот уже три месяца.

– И что?

– Значит, он здесь работает, – сказал Костелло. – По крайней мере три месяца. Кто-то должен его знать?

– Но никто не знает, – сказал Ричер.

Костелло покачал головой:

– Я поспрашивал на улице Дюваль – насколько я понял, это самое оживленное место в городе. И только одна какая-то девчонка в дрянном баре сказала мне, что высокий парень вот уже три месяца приходит сюда каждый день в четыре часа и пьет воду.

Он замолчал и сурово посмотрел на Ричера, словно бросая ему вызов. Ричер сделал глоток воды и пожал плечами.

– Совпадение, – заявил он.

– Наверное, – тихо проговорил Костелло, поднес бутылку к губам и сделал глоток, не сводя с лица Ричера мудрых старых глаз.

– Здесь население постоянно мигрирует, – сообщил ему Ричер. – Люди приезжают и уезжают.

– Наверное, – повторил Костелло.

– Но я стану поглядывать по сторонам, если хотите, – предложил Ричер.

– Буду признателен, – рассеянно сказал Костелло.

– А кому он понадобился? – поинтересовался Ричер.

– Моей клиентке, – ответил Костелло. – Ее зовут миссис Джейкоб.

Ричер сделал глоток воды. Имя не показалось ему знакомым. Джейкоб? Он никогда не слышал о женщине с таким именем.

– Хорошо, если я его встречу, то скажу, что вы его искали, но не слишком на меня рассчитывайте. Я не очень общителен.

– Вы работаете?

– Копаю бассейны.

Костелло задумался, как будто знал, что такое бассейны, но не имел ни малейшего представления о том, как они могли сюда попасть.

– Управляете экскаватором?

Ричер улыбнулся и покачал головой.

– Только не здесь, – ответил он. – Мы копаем вручную.

– Вручную? – повторил Костелло. – Лопатами, что ли?

– Участки маленькие, машинам туда не заехать, – пояснил Ричер. – Слишком узкие улицы, слишком низко нависают ветки деревьев. Отойдите в сторонку от Дюваль, и сами все увидите.

Костелло в очередной раз кивнул, и неожиданно у него сделался довольный вид.

– Тогда вы, скорее всего, не знаете Ричера. Миссис Джейкоб сказала мне, что он военный, офицер. Я проверил, и все совпало. Он был майором. Медали и все такое. Шишка в военной полиции, так мне сказали. Такой парень не станет копать дурацкой лопатой яму для бассейна.

Ричер сделал большой глоток воды, чтобы скрыть выражение, появившееся у него на лице.

– А что, по-вашему, он должен здесь делать?

– Здесь? – переспросил Костелло. – Ну, не знаю. Служба безопасности в отеле. Какое-нибудь собственное дело. Может, у него свой кораблик, который он сдает внаем.

– А что ему вообще здесь делать?

– Да уж, – не стал спорить Костелло, – это местечко не для него. Но я уверен, что он здесь. Он уволился из армии два года назад, положил все свои деньги в ближайший к Пентагону банк

и исчез. Его банковский счет указывает на то, что он разъезжал по всей стране, время от времени снимая деньги, но вот уже три месяца они поступают отсюда. Получается, что он некоторое время путешествовал, затем осел здесь и начал понемногу зарабатывать. Я его найду.

Ричер не стал возражать.

– Все еще хотите, чтобы я о нем поспрашивал?

Костелло покачал головой. Судя по всему, он обдумывал следующий шаг.

– Не стоит.

Он тяжело поднялся со стула, вытащил из кармана несколько мятых бумажек, бросил на стол пятерку и пошел прочь.

– Приятно было познакомиться! – крикнул он, не оборачиваясь, и вышел через отсутствующую стену в дышащий жарой день.

Ричер допил воду, глядя ему вслед. Десять минут пятого.

Через час Ричер шагал по улице Дюваль, раздумывая над тем, как лучше организовать новые отношения с банком, где пообедать и почему он соврал Костелло. По первому вопросу он принял решение снять деньги со счета и носить их в кармане штанов. По второму – последовать совету своего приятеля-бельгийца: съесть громадный стейк, потом мороженое и запить все это двумя бутылками воды. И по третьему: он соврал, потому что не видел причин говорить правду.

Ричер не понимал, почему его разыскивает частный детектив из Нью-Йорка. Он никогда там не жил. Да и вообще ни в одном из крупных северных городов. На самом деле он нигде не жил, это стало определяющим фактором его судьбы и сделало тем, кем он стал. Его отец был офицером Корпуса морской пехоты на действительной службе, и родители постоянно таскали Ричера по всему миру с того самого мгновения, как мать вынесла его из родильного отделения госпиталя в Берлине. С тех пор он жил на бесконечно сменяющихся друг друга военных базах, причем по большей части в удаленных и не слишком дружелюбных частях света. Затем сам поступил на службу в армию, стал следователем военной полиции и снова жил и нес службу на тех же самых базах, разбросанных по всему миру, пока в результате политики «мирного дивиденда»¹ не закрыли его подразделение, а он не оказался на свободе. Тогда он вернулся домой, в Соединенные Штаты, и стал путешествовать по стране как самый обычный, не слишком состоятельный турист, пока не объехал ее всю, а его сбережения не подошли к концу. Тогда он нанялся на пару дней копать ямы под бассейны, пара дней превратилась в пару недель, а недели в месяцы, и вот он осел здесь.

У него нигде не было родственников, которые могли бы оставить ему наследство. Он никому не был должен денег. Никогда ничего не украл и никого не обманул. У него не было детей. Его имя значилось всего в нескольких официальных бумагах. Кроме того, он совершенно точно знал, что никогда не слышал о женщине по фамилии Джейкоб. Так что если Костелло и хотел от него чего-то, Ричера это не интересовало. Во всяком случае, не настолько, чтобы выбраться из своего укрытия и впутаться в какую-нибудь историю.

Потому что он привык быть невидимкой. Передняя доля его головного мозга знала, что это своего рода комплекс, реакция на ситуацию, в которой он оказался. Два года назад его мир перевернулся с ног на голову. Из большой рыбы, плавающей в своем маленьком пруду, он стал никем. Он был старшим и уважаемым членом сообщества, подчиняющегося суровым законам, а превратился в одного из двухсот семидесяти миллионов безымянных граждан. Он был востребован и чувствовал себя нужным, а теперь стал лишним. Прежде ему постоянно говорили, где, когда и сколько времени он должен находиться, и вдруг он оказался наедине с самим собой

¹ Политический лозунг, провозгласивший экономическую выгоду от снижения затрат на вооружение. – *Здесь и далее примеч. перев.*

на территории в три миллиона квадратных миль, впереди у него было еще лет сорок такой жизни и никакого расписания или карт и указаний. Передняя доля его мозга твердила, что его реакция вполне объяснима, что таким способом он пытается защищаться от новой реальности, – реакция человека, любящего уединение, но обеспокоенного своим одиночеством. И еще: это опасная реакция и он должен с ней бороться.

Но самая тайная часть его мозга, прячущаяся за передними долями, нашептывала, что ему такая жизнь нравится. Ему нравилось ощущение таинственности и собственная скрытность, и он тщательно их оберегал. Внешне он вел себя дружелюбно и был общительным, но почти ничего о себе не рассказывал. Ему нравилось платить наличными и путешествовать на автотранспорте. Однако его имя никогда не значилось в списках пассажиров или на копиях чеков. Он никому не открывал своего имени. В Ки-Уэсте он поселился в дешевом мотеле, назвавшись Гарри С. Трумэном. Пролистав регистрационную книгу, Ричер обнаружил, что таких, как он, много. Здесь останавливались почти все из сорока одного президента США, даже те, о которых никто никогда не слышал, вроде Джона Тайлера и Франклина Пирса. Довольно быстро Ричер понял, что в Ки-Уэсте имена ничего не значат. Ему махали рукой, улыбались и говорили «привет». Местные жители считали, что у каждого человека есть своя тайна. Ему было здесь уютно. Слишком комфортно, чтобы спешить покинуть это место.

Около часа он гулял по шумным жарким улицам, потом свернул с Дюваль к прячущемуся во дворе ресторанчику, где его узнавали, подавали стейк такого размера, что он свисал с тарелки, и, кроме того, у них имелась его любимая вода.

Вместе со стейком принесли яйцо, жареную картошку и салат из летних овощей, а также мороженое с соусом из горячего шоколада и орехов. Ричер выпил еще кварту воды и две чашки крепкого черного кофе и, довольный, отодвинулся от стола.

– Ну, теперь вам хорошо? – с улыбкой спросила официантка.

Ричер ухмыльнулся и кивнул.

– В самое яблочко, – ответил он.

– Вы даже выглядеть стали лучше.

– Я и чувствую себя лучше.

Он сказал правду. Ему было тридцать восемь, и он еще никогда не чувствовал себя так хорошо. Ричер всегда отличался крепким здоровьем и силой, но последние три месяца помогли ему выйти на пик формы. В нем было шесть футов пять дюймов, и он весил двести двадцать фунтов, когда уволился из армии. Через месяц после того, как он поступил в бригаду строителей, работа и жара сожгли десять фунтов. За следующие два месяца он набрал тридцать фунтов чистых, могучих мышц. Работа была очень тяжелой: каждый день он перебрасывал с места на место около четырех тонн земли, камней и песка. Ричер отработал особую технику – вгрызался лопатой в землю, доставал ее, поворачивался и выбрасывал, – при помощи которой все его тело было задействовано постоянно. Результат получился потрясающий. Он дочерна загорел на солнце и находился в великолепной форме. Как презерватив, набитый каштанами, – так сказала одна девчонка. Он решил, что ему требуется съесть около десяти тысяч калорий и выпивать два галлона воды, чтобы поддерживать свою форму.

– Работаете сегодня вечером? – спросила официантка.

Ричер рассмеялся. Он зарабатывал деньги, занимаясь физическими упражнениями, за которые многие оставили бы целое состояние в роскошных фитнес-клубах больших городов, а сейчас направлялся на вечернюю работу, за которую ему тоже платили, хотя большинство мужчин с удовольствием делали бы ее бесплатно. Он был вышибалой в стриптиз-баре, том самом, где о нем расспрашивал Костелло. На Дюваль. Он сидел там всю ночь без рубашки, изображал из себя крутого парня, пил за счет заведения и следил за тем, чтобы никто не обижал обнаженных женщин. А потом ему давали за это пятьдесят баксов.

– Печальная обязанность, но кто-то должен ее выполнять, – сказал Ричер.
Девушка рассмеялась вместе с ним, он заплатил за обед и вышел на улицу.

Примерно в полутора тысячах миль к северу, неподалеку от Уолл-стрит в Нью-Йорке, исполнительный директор спустился на лифте на два этажа и вошел во владения финансового директора. Они тут же отправились во внутренний кабинет и уселись рядышком за стол. Дорогой офис и дорогой стол из тех, что специально приобретаются, когда дела идут хорошо, а потом стоят немим укором, когда возникают трудности. Офис был роскошным: повсюду красное дерево, льняные шторы на окнах, на громадном столе итальянские светильники и компьютер, стоивший больше, чем следовало. Компьютер был включен и дожидался пароля. Исполнительный директор постучал по клавишам, нажал клавишу ввода, и на экране появилась единственная таблица, сообщавшая правду о компании. Именно по этой причине ее охранял пароль.

– Ну что, у нас получится? – спросил исполнительный директор.

Это был день «С». «С» означало «сокращение штатов». Менеджер по персоналу находился на заводе-изготовителе на Лонг-Айленде с восьми часов утра. Его секретарша выставила в коридоре перед кабинетом длинный ряд стульев, которые заполнила очередь людей. Они целый день ждали, когда наступит их черед, продвигаясь на один стул каждые пять минут, затем входили в кабинет менеджера по персоналу на собеседование, оно продолжалось пять минут и лишало их средств к существованию, спасибо вам и до свидания.

– У нас получится? – снова спросил исполнительный директор.

Финансовый директор переписывал огромные цифры на листок бумаги. Вычел одно из другого, посмотрел на календарь и пожал плечами.

– Теоретически – да, – ответил он. – Практически – нет.

– Нет? – повторил исполнительный директор.

– Фактор времени, – сказал финансовый директор. – Мы все правильно сделали на заводе, тут нет никаких сомнений. Мы уволили восемьдесят процентов людей, и это поможет нам сэкономить девяносто процентов на зарплате, потому что мы оставили самых дешевых рабочих. Но мы заплатили всем до конца следующего месяца. Так что движение денежной наличности начнется только через шесть недель. На самом деле сейчас с этим становится все хуже, потому что эти придурки бросились обналичивать чеки.

Исполнительный директор вздохнул и кивнул.

– И сколько нам требуется?

Финансовый директор подвигал мышкой, и окно увеличилось в размерах.

– Один и одна десятая миллиона долларов, – сказал он. – На шесть недель.

– Банк?

– Забудь, – проговорил финансовый директор. – Я там каждый день облизываю задницы, чтобы они не потребовали с нас то, что мы им уже должны. Если я попрошу еще, они просто рассмеются мне в лицо.

– Ну, это не самое страшное, что может с тобой произойти, – сказал исполнительный директор.

– Дело не в этом, – заявил финансовый директор. – Если они пронюхают, что у нас по-прежнему проблемы, они потребуют назад ссуды. В ту же секунду.

Исполнительный директор постучал пальцами по красному дереву и пожал плечами.

– Я продам часть акций, – сказал он.

Финансовый директор покачал головой.

– Этого делать нельзя, – терпеливо начал объяснять он. – Как только ты выставишь акции на рынок, их цена тут же катастрофически упадет. Наше существование обеспечено акциями, но, если они начнут еще больше обесцениваться, нас закроют завтра же.

– Проклятье! – вскричал исполнительный директор. – Всего шесть недель. Я не собираюсь терять свою компанию из-за вонючих шести недель. Даже за миллион баксов. Это мелочи.

– У нас нет этой мелочи.

– Должен же быть какой-то выход.

Финансовый директор ничего не ответил, но у него был такой вид, словно он сказал еще не все.

– В чем дело? – спросил исполнительный директор.

– Я слышал разговоры, – ответил тот. – Среди моих знакомых. Мне кажется, есть место, куда мы можем обратиться. Может, оно того стоит – шесть недель. Мне рассказывали про одну компанию. Знаешь, из серии «помощь в крайнем случае».

– Приличная компания?

– Судя по всему, да, – ответил финансовый директор. – Выглядит очень респектабельно. Большой офис во Всемирном торговом центре. Специализируется на подобных случаях.

Исполнительный директор мрачно уставился на монитор компьютера.

– На каких случаях?

– На подобных, – повторил финансовый директор. – Когда ты уже у самого порога родного дома, но банки слишком узколобы, чтобы это увидеть.

Исполнительный директор кивнул и окинул взглядом кабинет. Красивое место. Его кабинет находился двумя этажами выше, на углу, и был еще красивее.

– Хорошо, – согласился он. – Делай все, что нужно.

– Я не могу, – сказал финансовый директор. – Этот парень не имеет дела с клиентами ниже исполнительного директора. Тебе придется самому.

Ночь в стриптиз-баре начиналась спокойно. Середина недели, июньский вечер, слишком поздно для перелетных птиц и весенних заморозков и слишком рано для туристов, приезжающих сюда полежать на солнышке. Примерно сорок посетителей за всю ночь. Две девушки в баре, три танцуют на площадке. Ричер наблюдал за девушкой по имени Кристал. Он сомневался, что это ее настоящее имя, но вопросов не задавал. Она была самой лучшей. И зарабатывала гораздо больше, чем зарабатывал Ричер, когда служил майором в военной полиции. Часть своего дохода она тратила на содержание старенького черного «порше», и днем Ричер иногда слышал, как машина, дребезжа и чихая, проезжает по какой-нибудь из улиц, где он работал.

Бар располагался в длинном узком помещении на втором этаже, с небольшой огороженной площадкой и маленькой круглой сценой с блестящим хромированным шестом. Вокруг сцены за ограждением стояли стулья. Повсюду были зеркала, а остальное пространство закрашено черной краской. Воздух в баре пульсировал в такт оглушительной музыке, которая доносилась из полудюжины усилителей, настолько мощных, что они забивали рев кондиционеров.

Ричер стоял около стойки бара, повернувшись к ней спиной, достаточно близко к двери, чтобы его сразу было видно, и одновременно внутри, чтобы посетители не забывали о его присутствии. Кристал закончила свой третий номер и потащила безобидного парня за сцену, где собиралась устроить ему шоу за двадцать баксов, когда Ричер увидел, что на лестничной площадке появились двое мужчин. Чужаки с севера. Лет тридцати, крупные, белые. Опасные. Крутые парни с севера в костюмах за тысячу долларов и начищенных до блеска ботинках. Они явно сюда спешили и не успели переодеться после работы. Они остановились около столика у входа и принялись спорить по поводу входных билетов за три доллара. Девушка за столом бросила взгляд в сторону Ричера, и тот медленно соскользнул с табурета. Подошел к ним и спросил:

– У вас проблемы, ребята?

Ричер использовал походку, которую называл «студенческой». Он заметил, что парни из колледжа ходят с напряженным телом и словно слегка прихрамывая. Особенно на пляже, когда они в плавках. Как будто у них такое количество мускулов, что им не удается заставить

свои конечности действовать как полагается. Из-за этого подростки весом в сто тридцать фунтов выглядели ужасно забавно. Но Ричер подумал, что у парня весом в двести пятьдесят фунтов и ростом шесть футов и пять дюймов такая походка должна производить устрашающее впечатление. «Студенческая» походка стала полезным инструментом в его новой профессии. Инструментом, который всегда срабатывал. И разумеется, ему удалось произвести впечатление на двух ребяташек в костюмах за тысячу долларов.

– У вас проблемы? – снова спросил он.

Как правило, трех слов хватало. Большинство дебоширов сразу успокаивались. Но эти двое были крепче обычных скандалистов. Подойдя к ним, Ричер почувствовал, что от них исходит смесь угрозы и уверенности. Может быть, еще высокомерие. В том смысле, что они привыкли получать желаемое. Но они оказались далеко от дома. Настолько далеко и не на своей территории, что даже решили немного сдать позиции.

– Никаких проблем, Тарзан, – сказал тот, что стоял слева.

Ричер улыбнулся. Его называли по-разному, но Тарзаном впервые.

– Три доллара за вход, – сказал он. – Вниз по лестнице бесплатно.

– Мы всего лишь хотим кое с кем переговорить, – сказал тот, что стоял справа.

У обоих был акцент жителей Нью-Йорка. Ричер пожал плечами.

– Мы тут не особенно много разговариваем, – сказал он. – Слишком громкая музыка.

– Тебя как зовут? – спросил левый.

Ричер снова улыбнулся.

– Тарзан, – ответил он.

– Мы ищем человека по имени Ричер, – проговорил левый. – Джека Ричера. Ты его знаешь?

Ричер покачал головой.

– Никогда о таком не слышал, – ответил он.

– Тогда нам нужно поговорить с девушками, – заявил правый. – Нам сказали, что они могут его знать.

Ричер снова покачал головой:

– Они его не знают.

Правый парень заглянул через плечо Ричера в длинный узкий зал, увидел девушек за стойкой бара и сообразил, что других охранников нет.

– Ладно, Тарзан, отойди в сторонку, – сказал он. – Мы собираемся войти.

– А вы читать умеете? – спросил у него Ричер. – Длинные слова и все такое?

Он показал на плакат, висящий над столом и написанный крупными флуоресцентными буквами: «АДМИНИСТРАЦИЯ ОСТАВЛЯЕТ ЗА СОБОЙ ПРАВО НЕ ПУСКАТЬ ВАС В НАШЕ ЗАВЕДЕНИЕ».

– Я здесь администрация, и я не пускаю вас в наше заведение, – сказал Ричер.

Правый тип смотрел то на плакат, то на Ричера.

– Тебе перевести? – спросил его Ричер. – Чтобы было попроще? Так вот, я здесь босс, и вы не можете войти.

– Успокойся, Тарзан, – сказал тот, что стоял слева.

Ричер позволил ему подойти ближе и, когда тот оказался совсем рядом, поднял левую руку и поймал парня за локоть. Затем он выпрямил его руку ладонью и с силой нажал пальцами на нервные окончания у основания трицепса. Парень принялся скакать на месте, словно в него ударил электрический разряд.

– Вниз, – тихо сказал Ричер.

Второй тип просчитывал варианты. Ричер заметил это и решил, что пришла пора открыть карты. Он поднял правую руку на уровень глаз, показывая, что в ней ничего нет и он готов действовать. Это была огромная рука, темная от загара, в мозолях от лопаты, и его собеседник

понял намек. Пожав плечами, он начал спускаться по лестнице. Ричер подтолкнул его товарища вслед за ним.

– Мы еще увидимся, – пообещал тот, что спускался первым.

– Приводите друзей, – крикнул ему вслед Ричер. – Три доллара за вход с каждого.

Он направился назад, в зал, но обнаружил, что прямо у него за спиной стоит танцовщица Кристал.

– Чего они хотели? – спросила она.

– Искали какого-то парня, – пожав плечами, ответил он.

– Ричера?

– Да.

– За сегодняшний день они вторые, – сказала она. – Днем приходил старик. Он заплатил три бакса. Хочешь пойти за ними и проверить, кто они такие?

Ричер колебался. Кристал сняла со стула его рубашку и протянула ему.

– Давай иди, пока здесь тихо. Спокойная ночь, – сказала она.

Ричер взял рубашку и вывернул рукава.

– Спасибо, Кристал, – сказал он, надел рубашку, застегнул на пуговицы и начал спускаться вниз по лестнице.

– Пожалуйста, Ричер, – бросила она ему вслед.

Он резко обернулся, но она уже шла к сцене. Он невыразительно глянул на девушку за столом у входа и выскочил на улицу.

Ки-Уэст в одиннадцать часов вечера достаточно оживленное место. Кое-кто уже видит десятый сон, но многие выходят прогуляться. Главная улица, Дюваль, идущая через весь остров с востока на запад, залита светом и оживлена. Ричер не боялся, что парни будут поджидать его на Дюваль. Здесь полно народа. Если они задумали ему отомстить, они выберут местечко потише. А таких здесь предостаточно. В стороне от Дюваль, особенно к северу, почти сразу же становится очень тихо. Городок совсем небольшой, и кварталы здесь маленькие. Короткая прогулка – и через двадцать кварталов вы оказываетесь в пригороде, где Ричер копал ямы для бассейнов в миниатюрных двориках за миниатюрными домиками. Освещение здесь весьма скудное, а шум, доносящийся из баров, заглушен жужжанием и стрекотом насекомых. Запах пива и дыма сменяется тяжелым ароматом тропических растений, цветущих и гниющих в садах.

Ричер шел по спирали сквозь темноту, сворачивал за случайные углы, обходил притихшие улицы. Никого. Он зашагал по середине дороги. Если бы кто-то притаился в тени дверного проема, ему пришлось бы пробежать десять или пятнадцать футов открытого пространства, чтобы добраться до Ричера. Он не боялся, что в него будут стрелять. У тех типов не было оружия. Доказательством тому их костюмы. Слишком плотно облегающие, некуда спрятать пистолеты. Кроме того, эти костюмы говорили о том, что парни прибыли на юг в спешке. Прилетели. А сесть на самолет с пистолетом в кармане совсем не просто.

Ричер прошел еще милю. Ки-Уэст маленький городок, но здесь достаточно места, чтобы в нем могли спрятаться два типа с севера. Он повернул налево у границы кладбища и направился назад, в сторону городского шума. Неожиданно он заметил около сетчатой ограды человека, неподвижно распластавшегося на земле. Не так чтобы необычная картина для Ки-Уэста, но было в его позе что-то странное. И знакомое. Ричер сразу понял, что здесь не так: рука мужчины была неестественно подвернута под тело. Мышцы плеча не стали бы терпеть столь возмутительного обращения с собой и устроили бы такой скандал, что даже очень пьяный или обкурившийся человек обратил бы внимание на их протесты. Знакомым оказалось пятно бежевого пиджака. Верхняя часть лежавшего на земле мужчины была светлой, нижняя – темной. Бежевый пиджак, серые брюки. Ричер замер на месте и огляделся по сторонам. Подошел поближе. Присел на корточки.

Это был Костелло, лицо которого превратилось в бесформенное месиво, словно на него надели кровавую маску. На бледной коже шеи жителя большого города, проглядывавшей в ворот рубашки, запеклись ручейки крови. Ричер попробовал нащупать за ухом пульс. Ничего. Он потрогал кожу тыльной стороной ладони. Холодная. Окоченение еще не наступило, но ночь была жаркой. Костелло умер примерно час назад.

Ричер проверил карманы пиджака. Пухлый бумажник исчез. И тут он увидел руки. Подушечки пальцев были аккуратно срезаны. Все десять. Быстрые, умелые разрезы, сделанные чем-то очень острым. Не скальпелем. Лезвие шире. Скорее всего, ножом для линолеума.

Глава 2

– Это моя вина, – сказал Ричер.

Кристал покачала головой.

– Не ты убил этого человека, – возразила она, потом резко подняла голову. – Или ты?

– Его убили из-за меня, – сказал Ричер. – Так что какая разница?

Бар закрылся в час ночи, и они сидели рядом на стульях около пустой сцены. Свет погасили, музыка не играла. В баре царил тишина, если не считать гудения кондиционера, который работал на четверть мощности, отправляя в ночной воздух Ки-Уэста застоявшийся запах табака и пота.

– Мне следовало ему сказать, – проговорил Ричер. – Следовало сказать: «Да, я Джек Ричер». Тогда он сообщил бы мне то, что должен был сообщить, вернулся бы домой, а я мог бы проигнорировать его слова. Мне бы хуже не стало, а он остался бы жив.

Кристал надела белую футболку. И больше ничего. Футболка была длинная, но недостаточно, и Ричер старался на нее не смотреть.

– Почему ты так переживаешь? – спросила она.

Самый обычный вопрос для Ки-Уэста. Они здесь не бездушные и холодные, просто им трудно понять, как можно переживать из-за чужого человека, приехавшего из чужой страны. Ричер посмотрел на нее и сказал:

– Я чувствую свою ответственность.

– Нет, ты чувствуешь себя виноватым, – возразила она.

Он кивнул.

– Это неправильно, – продолжала она. – Ты его не убивал.

– А есть разница? – снова спросил он.

– Конечно есть, – заявила она. – Кем он был?

– Частным детективом, который искал меня.

– Зачем?

Ричер покачал головой:

– Понятия не имею.

– А те два типа были с ним?

– Нет, они его убили, – сказал он.

– В самом деле? – удивленно взглянув на него, спросила Кристал.

– Я так думаю, – пояснил Ричер. – Я уверен, что они были не с ним. Они моложе и богаче. Ты видела их костюмы? Непохоже, что они его подчиненные. Да и вообще он показался мне человеком, который работает в одиночку. Значит, эту парочку прислал сюда кто-то другой, возможно, за ним, чтобы выяснить, что он тут делает. Может быть, он наступил на мозоль кому-нибудь на севере, устроил проблемы. И они отправились за ним в Ки-Уэст. Они его нашли и заставили сказать, кого он тут искал. И тогда они заявили к нам.

– Они убили его, чтобы узнать твое имя?

– Похоже на то, – сказал он.

– Ты расскажешь все это полиции?

Еще один характерный для Ки-Уэста вопрос. Привлечение копов к любому делу являлось темой долгих и серьезных дебатов.

– Нет, – ответил Ричер.

– Они узнают, кто он такой и что здесь делал, и станут искать тебя.

– Не сразу, – сказал он. – При нем никаких документов. Отпечатки пальцев они снять не смогут. Пройдет несколько недель, прежде чем они разберутся, кто он такой.

– И что ты собираешься делать?

– Попытаюсь отыскать миссис Джейкоб, – проговорил он. – Его клиентку. Она меня ищет.

– Ты ее знаешь?

– Нет, но хочу найти.

– Зачем?

Ричер пожал плечами:

– Я должен знать, что происходит.

– Зачем? – снова спросила Кристал.

Ричер встал и посмотрел на нее в зеркало, висящее на стене. Неожиданно он почувствовал, что его охватывает беспокойство и он готов немедленно вернуться в реальную жизнь.

– Ты знаешь зачем, – ответил он. – Убили человека, и его смерть имеет какое-то отношение ко мне, значит меня втянули в это дело, понимаешь?

Кристал вытянула голую ногу и положила на стул, с которого он встал. Она рассматривала его чувство причастности ко всему случившемуся как некое необычное хобби. Вполне законное, но странное, вроде народных танцев.

– И как ты собираешься это выяснить? – спросила она.

– Найду его офис, – ответил Ричер. – Может быть, у него есть секретарша. Наверняка имеются разные там бумаги и записи. Номера телефонов, адреса, договоры с клиентами. Миссис Джейкоб, скорее всего, была его последней клиенткой. Значит, папка с ее делом лежит на самом верху.

– И где же находится его офис?

– Не знаю, – сказал он. – Судя по его акценту, где-то в Нью-Йорке. Я знаю его имя, мне известно, что он бывший полицейский. Бывший полицейский Костелло, примерно шестидесяти лет. Найти его будет не слишком трудно.

– Он был полицейским? – спросила она. – С чего ты взял?

– Как правило, частными сыщиками становятся полицейские, ушедшие на пенсию. Они рано уходят в отставку, денег у них не много, поэтому они открывают собственное агентство из одного человека, которое занимается всем подряд: разводами, поиском пропавших людей и тому подобное. Кроме того, у него была информация из моего банка. Очень подробная. Получить ее он мог, только попросив об услуге старого приятеля, еще работающего в полиции.

Кристал улыбнулась, и Ричер увидел, что ей стало интересно. Она встала и подошла к стойке бара, остановившись рядом с ним так, что их бедра соприкасались.

– Откуда ты знаешь про все эти запутанные штуки?

Ричер несколько мгновений слушал шорох кондиционера, потом сказал:

– Я сам был следователем. Военная полиция. Тринадцать лет. И у меня неплохо получалось. Так что симпатичная мордашка не единственное мое достоинство.

– Не лсти себе насчет мордашки, в ней нет ничего особенного, – засмеялась Кристал. – Когда отправляешься?

Он огляделся по сторонам:

– Думаю, прямо сейчас. Из Майами наверняка есть какой-нибудь ранний рейс.

Кристал снова улыбнулась, на этот раз осторожно.

– А как ты собираешься попасть в Майами? – спросила она. – Уже ночь.

Ричер уверенно улыбнулся ей в ответ.

– Ты меня отвезешь, – сказал он.

– А время одеться у меня есть?

– Только туфли.

Они прошли в гараж, где стоял ее старый «порше», открыли дверь, она скользнула в машину и завела двигатель. Они проехали полмили на север до его мотеля. Кристал вела машину медленно, чтобы масло прогрелось. Большие колеса то и дело натывались на ямы и неровности старой дороги. Кристал остановилась около неоновой вывески над входом в мотель

и осталась сидеть за рулем, не выключая двигателя, чтобы он не заглох. Ричер открыл дверь, но тут же осторожно ее прикрыл.

– Поехали, – сказал он. – Там нет ничего такого, что я хотел бы забрать.

В свете, падающем от приборной доски, он видел, как она кивнула.

– Ладно, тогда пристегнись, – велела она ему.

Они медленно проехали по городу, потом по Северной Рузвельт-драйв, затем Кристал проверила показания приборов и повернула налево, на шоссе. Включила радар, вжала педаль в пол, и Ричера придавило к кожаному сиденью, словно он покидал Ки-Уэст на борту боевого истребителя.

Всю дорогу на север до Ки-Ларго спидометр показывал трехзначную цифру, и Ричер получал настоящее удовольствие от езды. Кристал отлично управлялась со своей машиной. Ловкими, экономными движениями она переключала скорости, заставляя мотор ровно урчать, удерживая крошечную машинку посередине полосы и умело используя силу, возникающую при повороте. Она улыбалась, и свет от приборной доски озарял ее безупречное лицо. Управлять «порше» на большой скорости непросто. Тяжелый двигатель находится у задней оси и в любой момент может превратиться в обезумевший маятник, захватив враспloch зазевавшегося водителя. Но Кристал делала все правильно, и они мчались вперед, точно на сверхзвуковом самолете.

Потом запищал радар, и примерно в миле впереди появились огни Ки-Ларго. Кристал резко сбросила скорость, проскочила город, снова вжала педаль акселератора в пол, и они понеслись дальше сквозь ночь. Уверенный поворот налево, через мост, и на север в сторону городка под названием Хоумстед, пристроившегося на ровной плоской дороге, проложенной на болоте. Потом новый поворот, направо, и вот они уже мчатся по шоссе на огромной скорости, радар установлен на максимум. Они прибыли в аэропорт Майами около пяти часов утра. Кристал остановилась на парковке и, не выключая двигателя, стала ждать, что будет дальше.

– Спасибо, что подвезла, – сказал Ричер.

Она улыбнулась.

– Я получила удовольствие, – ответила она. – Можешь мне поверить.

Он открыл дверцу, но остался сидеть, глядя куда-то вперед.

– Ладно, думаю, мы еще увидимся, – проговорил он.

Кристал тряхнула головой.

– Нет, не увидимся, – сказала она. – Парни вроде тебя никогда не возвращаются. Ты уедешь и не вернешься.

Ричер некоторое время сидел в уютном тепле ее машины. Двигатель тихонько ворчал, глушитель равномерно стучал, охлаждаясь. Кристал наклонилась к Ричеру, отпустила сцепление и поставила машину на первую передачу, чтобы было удобнее, затем просунула руку ему под голову и крепко поцеловала в губы.

– До свидания, Ричер, – сказала она. – Я рада, что мне наконец удалось узнать твое имя.

Он поцеловал ее в ответ, так же крепко, долгим поцелуем.

– А тебя как зовут? – спросил он.

– Кристал, – ответила она и рассмеялась.

Он засмеялся вместе с ней и вышел из машины. Кристал потянулась к дверце с его стороны, закрыла ее и умчалась прочь. Ричер стоял на тротуаре и смотрел ей вслед. Она повернула перед автобусом, который принадлежал отелю, и скрылась из виду. Вместе с ней, словно след выхлопа ее машины, исчезли три месяца его жизни.

В пять часов утра исполнительный директор лежал на своей кровати без сна и смотрел в потолок. Его совсем недавно покрасили, как и весь дом, находившийся в пятидесяти милях к

северу от Нью-Йорка. Исполнительный директор заплатил художникам по интерьеру больше, чем его служащие зарабатывали за целый год. На самом деле он им не платил. Он провел счета через свой офис, и их оплатила компания. Этот расход значился в секретных электронных таблицах и являлся частью семизначной суммы, которая шла на содержание дома. Семизначная цифра в графе «дебет» тянула его бизнес на дно, как тяжелый груз корабль. Как последняя капля воды, переполняющая чашу.

Его звали Честер Стоун. Его отец и дед тоже носили имя Честер Стоун. Это дело основал его дед в те времена, когда электронные таблицы назывались бухгалтерскими книгами и их писали от руки самой обычной ручкой. Правая сторона бухгалтерских книг его деда, та, где значился кредит, производила впечатление. Его дед был часовщиком, который почти сразу понял, какой популярностью будет пользоваться кино. Благодаря своему знанию шестеренок и сложных маленьких механизмов он построил проектор. Первый Честер Стоун взял в партнеры человека, который смог организовать поставки оптики из Германии. Вместе они подмяли под себя рынок и сделали огромные состояния. Его партнер умер молодым и не оставил наследников. В Америке начался настоящий бум кино. Появились сотни кинотеатров. Сотни проекторов. Потом десятки тысяч. Затем звук. «Синемаскоп»². И громадные суммы в графе кредит.

Потом появилось телевидение. Кинотеатры начали закрываться, а те, что продолжали работать, цеплялись за старое оборудование, пока не умирали. Его отец, Честер Стоун II, встал во главе компании. Начал расширять ее возможности. Сообразил, что пришло время любительского кино и восьмимиллиметровых проекторов. Яркая эра «Кодахрома». Запрудер³. Новый завод-изготовитель. Огромные прибыли, сделанные на медленной широкой ленте первых компьютеров «Ай-би-эм».

А потом вернулось кино. Его отец умер, и Честер Стоун III встал у руля, когда повсюду появились мультимедиа. Четыре проектора, шесть, двенадцать, шестнадцать, пятидорожечные ленты, система «Долби», цифровое «Долби». Богатство и успех. Брак. Переезд в особняк. Машины.

Дальше возникло видео. Любительские восьмимиллиметровые фильмы ушли в небытие. Возникла ожесточенная ценовая конкуренция со стороны новых предприятий в Германии, Японии, Корее и Тайване, поставивших перед собой цель отобрать у него бизнес. Отчаянные поиски чего-то, что можно изготавливать из листового металла на прецизионных станках. Хотя бы что-нибудь. Жуткое осознание того, что механические приспособления – это вчерашний день. Бурный рост рынка транзисторных микрочипов, запоминающих устройств, игровых консолей. Огромные прибыли от устройств, о производстве которых Стоун не имел ни малейшего представления. Растущий дефицит в таблицах, хранящихся в его компьютере.

Рядом с ним пошевелилась во сне жена, потом заморгала и открыла глаза, повертела головой, сначала взглянула на часы, затем на мужа. Увидела, что он устался в потолок.

– Не спишь? – тихо спросила она.

Он не ответил, и она отвернулась. Ее звали Мэрилин. Мэрилин Стоун. Они были женаты уже давно. Настолько давно, что она не нуждалась в словах. Она все знала. Ей не требовались детали и доказательства, не нужно было принимать участие в обсуждении происходящего, она и без того все понимала. Каким образом? У нее были глаза и голова. С тех пор как она видела продукцию предприятий своего мужа, горделиво красующуюся на полках магазинов, прошло много времени. И очень много времени прошло с тех пор, как кто-нибудь из владельцев мультимедиа приглашал их на обед, чтобы отпраздновать новый большой заказ. И много времени с тех пор, как Честер спал целую ночь, с вечера до утра. Вот почему она все знала.

² «Синемаскоп» – система широкоэкранный кино со стереофоническим звуком.

³ Абрахам Запрудер – житель Далласа, которому удалось снять любительской 8-миллиметровой кинокамерой момент убийства президента Дж. Кеннеди 22 ноября 1963 года.

Но ей было все равно. «В бедности и в богатстве» – так она говорила, и не просто говорила, а искренне имела это в виду. Богатым быть хорошо, но бедность тоже не обязательно должна стать катастрофой. Впрочем, они никогда не будут по-настоящему бедны, как некоторые люди. Можно продать проклятый дом, ликвидировать бизнес, и их жизнь все равно останется намного комфортабельнее, чем она когда-либо могла мечтать. Они еще молоды. Ну, не молоды, но и не совсем старики. Здоровы. У них полно разных интересов. И они принадлежат друг другу. А Честера стоило иметь в качестве мужа. Седой, но стройный, сильный и энергичный. Она любила его. Он любил ее. Ее тоже стоило иметь в качестве жены. Сорок с небольшим, но в душе ей двадцать девять. По-прежнему изящная, натуральная блондинка, по-прежнему возбуждающая. Она обожала приключения. Ее стоило иметь – во всех смыслах этой фразы. Все будет хорошо. Мэрилин вздохнула и повернулась на другой бок, устроилась поудобнее и уснула в половине шестого утра, а ее муж продолжал тихо лежать рядом с ней и молча смотреть в потолок.

Ричер стоял у выхода на посадку и вдыхал спертый воздух, а его великолепный загар отсвечивал желтым в искусственном свете. Он прислушивался к десяткам разговоров на испанском и поглядывал на телевизионный монитор. Нью-Йорк стоял в списке первым, как он и предполагал. Первый рейс, «Дельта», в аэропорт Ла-Гуардиа через Атланту, отправлялся через полчаса. Второй, «Мексикана», – на юг. Третий, «Юнайтед», тоже в Ла-Гуардиа, прямой рейс, через час. Ричер выбрал его и подошел к стойке, где продавали билеты. Спросил, сколько стоит билет в одну сторону. Кивнул и отошел.

Затем он отправился в туалет и остановился перед зеркалом, вытащил из кармана свернутые в трубочку деньги и набрал нужную сумму самыми мелкими купюрами. Застегнул рубашку до самого верха и пригладил ладонью волосы. Вышел и направился к стойке «Дельты».

Билет стоил столько же, сколько и в «Юнайтед». Он знал, что так и будет. Так всегда бывает. Он отсчитал деньги, однодолларовые купюры, десятки и пятерки, и девушка взяла их, разгладила и разложила по порядку в ящички кассы.

– Ваше имя, сэр? – спросила она.

– Трумэн, – сказал Ричер. – Как у президента.

Девушка никак на это не отреагировала. Видимо, родилась за границей во время последних лет правления Никсона или в первые годы Картера. Ричеру было все равно. Он родился за границей, когда президентом стал Кеннеди. И не собирался ничего говорить. Для него Трумэн тоже был древней историей. Девушка напечатала имя, и сразу появился билет. Она положила его в конверт с изображением красно-голубого глобуса, но тут же вытащила.

– Я могу вас зарегистрировать прямо сейчас, – сказала она.

Ричер кивнул. Оплата авиабилета наличными, в особенности в международном аэропорту Майами, могла стать проблемой из-за борьбы с наркотиками. Если бы Ричер подошел к стойке и достал из кармана пачку сотенных бумажек, девушка нажала бы на маленькую секретную кнопку на полу. Затем она принялась бы возиться с оформлением билета до тех пор, пока не появилась бы полиция. Копы, увидев высокого крупного парня с роскошным загаром и пачкой наличных, мгновенно приняли бы его за курьера. Их главная задача, естественно, состоит в том, чтобы отслеживать передвижение наркотиков, но и денег тоже. Они не позволили бы положить эти деньги в банк, не позволили бы беспрепятственно тратить их. По их представлениям, нормальный гражданин должен пользоваться пластиковой карточкой, если хочет сделать серьезную покупку. Или путешествовать. А уж в аэропорту за двадцать минут до отлета без карточки просто не обойтись. Такие установки привели бы к задержке, препирательствам и необходимости заполнять кучу бумаг – трем вешам, которых Ричер всегда старался избегать. Поэтому он решил соблюдать осторожность. Он изображал из себя парня, который не может завести себе кредитную карту, даже если очень хочет, такого простого рабочего с кучей дол-

гов и проблем. Наглухо застегнутая рубашка и то, как он осторожно перебирал купюры, сделали свое дело. Он выглядел смущенным и растерянным. И служащие за стойкой тут же встали на его сторону. Они получали гроши и вели собственную войну с кредитными карточками. Они видели перед собой человека, оказавшегося даже в худшем, чем они, положении, и их инстинктивной реакцией стало сочувствие, а не подозрительность.

– Выход В-шесть, сэр, – сказала девушка. – Я дала вам место у окна.

– Спасибо, – поблагодарил ее Ричер.

Он подошел к выходу и через пятнадцать минут сидел в самолете, мчавшемся по взлетной полосе, и испытывал почти то же самое, что пережил в «порше» Кристал, если не считать того, что ему некуда было вытянуть ноги, а место рядом пустовало.

Честер Стоун сдался в шесть часов. Он отключил будильник на полчаса раньше и осторожно выбрался из кровати, чтобы не разбудить Мэрилин. Сняв халат с крючка в ванной, он спустился на кухню. Завтракать ему не хотелось, и он выпил кофе, а потом отправился в душ в гостевую комнату, где мог шуметь сколько угодно. Он хотел, чтобы Мэрилин спала и чтобы не знала, что он спать не может. Она просыпалась каждую ночь, спрашивала, почему он не спит, но потом больше об этом не говорила, и он решил, что утром она просто ничего не помнит или думает, что ему приснился плохой сон. Он был совершенно уверен, что Мэрилин ничего не знает. И его это радовало, потому что он не хотел, чтобы жена разделяла его беспокойство и тревогу.

Он побрился, встал под душ и принялся размышлять о том, что наденет и как следует себя вести. Правда заключалась в том, что ему придется буквально встать на колени перед этим типом. Перед тем, кто даст ему последнюю надежду. И шанс на спасение. Этот человек держал его будущее в своих руках. И как же с ним разговаривать? Только не на коленях. Так дела не делают. Если ты не скрываешь, что тебе отчаянно необходим заем, ты его никогда не получишь. А вот если ведешь себя так, будто он тебе не слишком-то и нужен, тогда тебе его преподнесут на блюдечке. Словно для тебя это не имеет особого значения, словно ты еще не решил окончательно, стоит ли позволить заимодавцу встать на одну с тобой доску и получить маленькую долю огромных, восхитительных прибылей, которые приносит твое предприятие. Словно главная твоя проблема состоит в том, чтобы решить, чье предложение принять к рассмотрению.

Конечно же, белая рубашка и не слишком яркий галстук. Но какой костюм? Итальянский, наверное, будет слишком кричаще. Не «Армани». Он должен выглядеть как солидный человек. Достаточно богатый, чтобы купить себе дюжину «Армани», но слишком серьезный, чтобы даже подумать об этом. Слишком серьезный и слишком занятый решением важных проблем, чтобы тратить время на магазины на Мэдисон-авеню. Честер Стоун решил, что в данном случае ключевым словом будет «наследственность». Три поколения успешных бизнесменов и династический подход к одежде. Ну, как будто его дед отвел отца к своему портному и познакомил его с ним, затем отец отвел к нему его самого. Он вспомнил о своем костюме от «Брукс бразерс». Старый, но выглядит великолепно, в приглушенную клетку, немного слишком теплый для июня. Подойдет ли «Брукс бразерс» для умного двойного блефа, который он задумал? Вроде как хочет сказать своему собеседнику: «Я богат и успешен, и мне совершенно все равно, что носить». Или он будет выглядеть в нем как человек, у которого серьезные проблемы?

Честер Стоун снял костюм с вешалки и приложил к себе. Классический, но немодный. Да, Стоун будет выглядеть в нем как человек, у которого *очень* серьезные проблемы. Он убрал костюм обратно в шкаф. Попробовал элегантный серый костюм из Лондона. Отлично. Из зеркала на него смотрел состоятельный джентльмен, мудрый, обладающий вкусом, абсолютно надежный. Он выбрал галстук с легким намеком на рисунок и пару великолепных черных ботинок. Надел все это и принялся изучать свое отражение в зеркале. Лучше не придумаешь.

С такой внешностью он почти мог бы себе доверять. Стоун допил кофе, промокнул губы и тихонько прошел в гараж. Сел в свой «бенц» и в шесть сорок пять уже мчался по пустой Меррит-паркуэй.

Ричер провел на земле Атланты пятьдесят минут, затем его самолет снова взлетел и направился на северо-восток, в сторону Нью-Йорка. Над Атлантикой сияло солнце, оно заглядывало в окна по правому борту, заливая салон холодным сиянием рассвета на большой высоте. Ричер пил кофе. Стюардесса предложила ему воду, но он попросил кофе. Напиток оказался густым и черным, и Ричер не стал добавлять в него молоко. Кофе был ему нужен, чтобы подпитать мозг и попытаться вспомнить, кто такая, черт подери, эта миссис Джейкоб. И почему она наняла Костелло искать его по всей стране.

Вскоре они подлетели к аэропорту Ла-Гардиа, и Ричеру понравилась картина, представлявшая его глазам. Медленные, ленивые круги над Манхэттеном, залитым ярким утренним солнцем. Как в миллионе фильмов, которые ему довелось видеть, только без музыки. Самолет начал снижаться, под ним проносились высокие здания, окрашенные солнцем в золотистые тона. Башни-близнецы Всемирного торгового центра. Эмпайр-стейт-билдинг. Его любимый Крайслер-билдинг. Здание корпорации «Ситигруп». А потом они сделали круг и направились к северному берегу Куинса и на посадку. Здания Мидтауна на противоположном берегу реки пронеслись мимо окон, когда они свернули и покатали по терминалу.

Встреча была назначена на девять часов. Честера Стоуна это раздражало. Не само время. Девять часов – разгар рабочего дня для большинства компаний, расположенных на Манхэттене. Его раздражал и выводил из равновесия сам факт встречи. Честеру Стоуну уже много лет никто не назначал никаких встреч. Он вообще не мог вспомнить, случалось ли с ним когда-нибудь такое. Возможно, его деду в первые годы существования компании и приходилось ходить на деловые встречи. Но с тех пор все изменилось. У каждого из трех Честеров Стоунов был секретарь, который записывал посетителей на прием в удобное для босса время. Зачастую посетителям приходилось ждать по нескольку дней, прежде чем в чрезвычайно плотном графике появлялось окошко, но и в этом случае они проводили в приемной не один час. А сейчас все обстояло иначе. И это ужасно злило Честера Стоуна.

Он приехал раньше, потому что очень нервничал. Он провел в своем кабинете сорок минут, прокручивая разные варианты. Их не осталось. Как ни крути, от успеха его отделяли один миллион сто тысяч долларов и шесть недель. И это просто душило его. Потому что это был не эффектный крах и не полная катастрофа, а взвешенный и реалистичный ответ на состояние дел, которое было почти в порядке. Почти, но не совсем. Вроде почти удачного удара по мячу в гольфе, когда мяч не докатывается до лунки всего на дюйм. Очень близко, но все же недостаточно близко.

В девять часов утра Всемирный торговый центр представляет собой шестой по величине город штата Нью-Йорк. Он больше Олбани. Всего шестнадцать акров земли, но днем его «население» составляет сто тридцать тысяч человек. Пока Честер стоял на площади, людской поток обтекал его со всех сторон – так, наверное, его дед мог стоять по колено в реке Гудзон. Из окна своего кабинета Честер был свидетелем того, как земляная насыпь отвоевала территорию у воды и громадные башни вознеслись к самым небесам, прочно устроившись на осушенном дне реки.

Он посмотрел на часы и вошел внутрь. Поднялся на лифте на восемьдесят восьмой этаж и шагнул в тихий пустой коридор. Узкий, с низким потолком. Закрытые двери офисов с маленькими прямоугольными окошками из армированного стекла. Он нашел нужную дверь, заглянул в окошко и нажал на кнопку звонка. Щелкнул замок, и он оказался в приемной, самой обычной, на удивление простой. За отделанной бронзовыми пластинами деревянной контор-

кой – намек на богатство хозяина кабинета – сидел секретарь. Честер Стоун выпрямил спину и направился прямо к нему.

– Честер Стоун, – твердым голосом представился он. – У меня на девять часов назначена встреча с мистером Хоби.

Секретарь-мужчина стал для него первым сюрпризом. Он ожидал увидеть женщину. Но на этом сюрпризы не закончились. Его сразу же провели в кабинет, не заставив ждать в приемной. Он думал, что ему придется долго сидеть на неудобном стуле перед дверью. Сам он поступил бы именно так. Если бы к нему явился человек, оказавшийся в отчаянном положении и рассчитывающий получить заем, он заставил бы его помучиться перед своим кабинетом хотя бы минут двадцать. Это же чистой воды психология.

Кабинет оказался очень большим, и Честер сразу понял, что часть стен просто убрали. Внутри было темно. Одна стена представляла собой громадное окно, закрытое вертикальными жалюзи с узкими щелями. Большой рабочий стол, напротив него три дивана, составляющие прямоугольник. По краям диванов торшеры. Посередине на ковре огромный кофейный стол из стекла и бронзы. Все вместе очень похоже на гостиную в витрине мебельного магазина.

За столом сидел мужчина. Честер отправился в долгий путь к нему. Прошел между диванами, обогнул кофейный стол, остановился перед письменным столом и протянул правую руку.

– Мистер Хоби? Я Честер Стоун, – сказал он.

Человек, сидевший за столом, сильно обгорел, и все его лицо с одной стороны было покрыто шрамами. Оно было чешуйчатым, как кожа рептилии. Стоун в ужасе отвернулся, но все равно видел его краем глаза. Оно напоминало обгоревшую куриную лапу, неестественно розовую. Там, где заканчивался лоб и начиналась линия волос, никаких волос не было, дальше шли какие-то жесткие клочья, которые постепенно превращались в нормальные волосы. Правда, седые. Шрамы были жесткими и выпуклыми, но на здоровой стороне лица кожа осталась мягкой и морщинистой. Честер решил, что ему лет пятьдесят или пятьдесят пять. Хоби сидел на плотно придвинутом к столу стуле, положив руки на колени. Стоун стоял, усилием воли заставив себя смотреть на диковинного человека, его правая рука нависла над столом.

Очень неприятный момент. Нет ничего более унижительного, чем стоять с протянутой рукой, когда твой жест игнорируют. Довольно глупо продолжать так стоять, но еще хуже – убрать руку. Поэтому он решил ждать, когда мистер Хоби ответит на его рукопожатие. Неожиданно тот пошевелился, оттолкнулся от стола левой рукой и вытащил правую, чтобы поздороваться со Стоуном. Только это была не рука, а металлический крюк, который торчал из манжета. Не искусственная рука или сложный протез, а самый обычный крюк в форме заглавной буквы J, сделанный из сверкающей нержавеющей стали и отполированный до блеска. Стоун собрался было его пожать, но тут же убрал руку и замер на месте. По здоровой стороне лица мистера Хоби промелькнула мягкая улыбка, словно его совсем не обидело поведение Стоуна.

– Меня называют Крюк Хоби, – сказал он и сел со строгим выражением на лице, подняв свой крюк вверх, словно экспонат для изучения.

Стоун сглотнул и попытался успокоиться. На мгновение у него мелькнула мысль предложить для рукопожатия левую руку. Он знал, что некоторые люди так поступают. У его дяди был удар, и последние десять лет своей жизни он всегда протягивал левую руку для рукопожатия.

– Присаживайтесь, – предложил Крюк Хоби.

Стоун с благодарностью кивнул и, сделав несколько шагов назад, уселся на край дивана. Он оказался боком к столу, но радовался уже тому, что можно чем-то заняться. Хоби посмотрел на него и положил руку на стол. Крюк ударил о деревянную поверхность с глухим металлическим стуком.

– Вы хотите взять займы, – сказал Хоби.

Обожженная сторона его лица не двигалась, она была толстой и жесткой, как спина крокодила. Внутри у Стоуна все сжалось, и он посмотрел на кофейный столик. Затем кивнул и принялся разглаживать брюки на коленях. Снова кивнул и попытался вспомнить свой план действий.

– Мне нужно залатать дыры, – сказал он. – Шесть недель, один миллион сто тысяч долларов.

– Банк? – спросил Хоби.

Стоун уставился в пол. Столешница была из стекла, а под ней лежал ковер с великолепным узором. Стоун с умным видом пожал плечами, словно хотел вместить в этот простой жест целых сто пунктов тайной стратегии бизнесмена, имеющего дело с человеком, которого он даже подумать не может оскорбить предположением, будто тот о них не знает.

– Я предпочитаю к ним не обращаться, – сказал он. – Разумеется, у нас есть заемное соглашение, но я получил выгодный процент на основании того, что это фиксированная сумма и фиксированный срок, без дополнительных условий. Надеюсь, вы понимаете, что мне не хочется нарушать нашу договоренность из-за такой небольшой суммы.

Хоби пошевелил правой рукой, и крюк заскрежетал по дереву.

– Все это ерунда, мистер Стоун, – тихо сказал он.

Стоун ничего не ответил, он прислушивался к скрежету крюка.

– Вы служили? – спросил его Хоби.

– Что, простите?

– В армии были? Во Вьетнаме?

Стоун с трудом сглотнул. Вот откуда ожоги и крюк.

– Нет, – сказал он. – У меня была отсрочка из-за колледжа. Я очень хотел туда попасть, разумеется, но к тому моменту, когда я получил диплом, война закончилась.

Хоби едва заметно кивнул.

– Я там был, – сообщил он. – И один из уроков, которые я там получил, заключается в важности сбора сведений. Я применяю его в своем бизнесе.

В темном офисе повисло молчание. Стоун кивнул, повернул голову и посмотрел на край стола. Изменил свой первоначальный план.

– Ладно, – сказал он. – Надеюсь, вы не станете винить меня за то, что я попытался сделать вид, будто у нас все не так уж плохо.

– Вы практически по уши в дерьме, – сказал Хоби. – На самом деле вы платите своему банку самый высокий процент, и новый заем вам ни за что не дадут. Однако вы неплохо справляетесь, пытаясь выбраться из ситуации, в которой оказались. Вам это почти удалось.

– Почти, – согласился с ним Стоун. – Нам нужно шесть недель и один миллион сто тысяч долларов.

– Как и все люди, я специализируюсь на определенных делах, – проговорил Хоби. – На делах вроде вашего. Когда у солидных предприятий возникают временные и ограниченные проблемы дефицита. Проблемы, которые не могут решить банки, потому что они специализируются в других областях, иными словами, лишены воображения и отличаются невероятной тупостью.

Он снова пошевелил крюком, и тот заскрежетал по поверхности дубового стола.

– У меня вполне разумные цены, – продолжал он. – Я не ростовщик. Речь не идет о ста процентах. Думаю, я смогу одолжить вам требуемую сумму под шесть процентов на шесть недель.

Стоун снова провел ладонями по коленям брюк. Шесть процентов на шесть недель? Сколько это в год? Почти пятьдесят два. Он возьмет один миллион сто тысяч сейчас, а через шесть недель полностью его вернет плюс шестьдесят шесть тысяч долларов. Одиннадцать

тысяч в неделю. Да, не ростовщические условия. Однако близко к тому. Но по крайней мере, Хоби не отказал в займе.

– А как насчет гарантий? – спросил Стоун.

– Я возьму акциями, – ответил Хоби.

Стоун заставил себя поднять голову и посмотреть на него. Видимо, это своего рода проверка? Он с трудом сглотнул и решил, что сейчас, когда дело уже почти сделано, нужно быть честным.

– Акции ничего не стоят, – тихо проговорил он.

Хоби кивнул своей ужасной головой, как будто ответ Стоуна доставил ему удовольствие.

– Сейчас не стоят, – сказал он. – Но ведь скоро положение изменится, не так ли?

– Только после того, как ваш риск закончится, – ответил Стоун. – Таков парадокс. Акции поднимутся в цене, когда я верну вам долг и ситуация стабилизируется.

– Вот тогда я и получу прибыль, – сказал Хоби. – Я ведь не говорю о временной передаче акций. Я намерен получить и сохранить ваши акции.

– Сохранить? – переспросил Стоун, который не смог скрыть удивление.

Пятьдесят два процента прибыли и еще акции в подарок?

– Я всегда так поступаю, – пояснил Хоби. – Отнесите это на счет моей сентиментальности. Мне нравится владеть частью бизнеса, которому я помогаю. Многие с радостью соглашались на такое условие.

Стоун сглотнул, отвернулся, задумался над вариантами, которые у него имелись. Пожал плечами.

– Хорошо, – сказал он. – Думаю, мы договоримся.

Хоби открыл левый ящик стола и достал оттуда печатный бланк, который подтолкнул в сторону Стоуна.

– Я подготовил договор, – сказал он.

Стоун дотянулся со своего дивана и взял бумагу. Это было соглашение о займе в один миллион сто тысяч долларов на шесть недель под шесть процентов и стандартный договор о передаче пакета акций. Пакета, который недавно стоил миллион долларов и, возможно, будет стоить столько же в ближайшем времени. Стоун удивленно заморгал.

– Иначе никак нельзя, – заявил Хоби. – Я же говорил вам, что специализируюсь на делах, подобных вашему. А правда состоит в том, что вы больше нигде ничего не получите.

Хоби сидел в шести футах от него за своим столом, но у Стоуна вдруг возникло ощущение, будто он оказался рядом с ним на диване, его ужасное лицо находится всего в нескольких дюймах от его собственного лица, а сверкающий крюк вгрызается в его внутренности. Он кивнул, сделав едва заметное движение головой, и стал искать в пиджаке свою толстую перьевую ручку «Монблан». Затем наклонился и поставил в двух местах свою подпись, ощущая под бумагой холодную стеклянную поверхность кофейного столика. Хоби не сводил с него глаз.

– Полагаю, вы хотите, чтобы деньги поступили на ваш операционный счет? – спросил он. – Чтобы их не видели другие банки?

Стоун кивнул словно в забытьи.

– Это было бы очень хорошо, – сказал он.

Хоби сделал у себя пометку.

– Они поступят на ваш счет через час.

– Спасибо, – сказал Стоун, чувствуя, что так будет правильно.

– Вот теперь я действительно рискую, – заметил Хоби. – Шесть недель, и никаких реальных гарантий. Очень неприятное чувство.

– Проблем не будет, – сказал Стоун, глядя в пол.

Хоби кивнул:

– Уверен, что не будет.

Он наклонился вперед и нажал на кнопку интеркома, которая находилась перед ним. Стоун услышал, как в приемной едва слышно прозвучал сигнал.

– Досье Стоуна, пожалуйста, – сказал Хоби в микрофон.

На мгновение воцарилась тишина, затем дверь открылась, и к столу Хоби подошел секретарь. Он наклонился и положил перед Хоби тонкую зеленую папку, которую держал в руках. После этого вышел и тихо прикрыл за собой дверь. Хоби при помощи крюка подтолкнул папку к краю стола.

– Посмотрите, – предложил он.

Стоун взял папку, открыл ее и увидел фотографии. Несколько больших черно-белых фотографий, восемь на десять дюймов, на глянцевой бумаге. На первом снимке, явно сделанном из машины, стоявшей в конце его подъездной дороги, был изображен его дом. На втором, снятом при помощи длиннофокусного объектива, – его жена Мэрилин в саду. На третьем – Мэрилин, выходящая из салона красоты, в котором регулярно бывала. Зернистая картинка, длиннофокусный объектив. Явно из какого-то укрытия, тайно. На четвертой фотографии – крупным планом номер ее «БМВ».

На пятом снимке тоже Мэрилин, ее сфотографировали ночью, через окно их спальни. Она в халате, волосы распущены, похоже, что они влажные. Стоун не сводил с нее глаз. Чтобы сделать такую фотографию, нужно было стоять на лужайке за домом. Перед глазами у него все поплыло, в ушах звенело от наступившей тишины. Затем он собрал снимки и закрыл папку. Медленно положил на стол. Хоби наклонился вперед, прижал кончик крюка к толстой зеленой бумаге и потянул к себе. Крюк громко скрипел по столу.

– Вот мои гарантии, мистер Стоун, – сказал Хоби. – Но как вы уже сказали, проблем наверняка не будет.

Честер Стоун ничего не ответил. Он встал и, обходя мебель, подошел к двери. Миновал приемную, оказался в коридоре, потом в лифте. Спустился на восемьдесят восемь этажей, и яркое утреннее солнце ударило его по лицу, точно звонкая пощечина.

Глава 3

То же самое солнце припекало шею Ричера, когда он ехал на Манхэттен на заднем сиденье такси, за рулем которого сидел цыган. Ричер предпочитал пользоваться услугами нелегальных водителей, из тех, кто не особенно капризничает при выборе пассажиров. Это отвечало его привычке держаться в тени. Вряд ли кто-нибудь станет отслеживать его передвижения и расспрашивать таксистов, но водитель, который не может признаться, что он таковым является, – самый надежный способ скрыться от наблюдения. А кроме того, он мог поторговаться насчет платы за проезд. Со счетчиком в желтом такси не поспоришь.

Они проехали по мосту Трайборо и попали на Манхэттен со стороны Сто двадцать пятой улицы, потом дальше на запад по довольно оживленным улицам к площади Рузвельта. Здесь Ричер попросил шофера остановиться, а сам молча сидел, обдумывая ситуацию и оглядываясь по сторонам. Он думал о дешевом отеле, но таком, в котором работают телефоны. И имеются целые телефонные книги, без вырванных страниц. Он решил, что в этом районе все три требования вряд ли будут удовлетворены. Но все равно вышел из машины и заплатил парню. Последнюю часть пути он решил пройти пешком. Без посторонних глаз. Это тоже соответствовало его привычкам.

Два молодых человека в мятых костюмах за тысячу долларов подождали, пока Честер Стоун скроется из виду. Затем вошли во внутренний офис и, ловко маневрируя между мебелью, встали перед столом. Хоби посмотрел на них, открыл ящик стола, убрал подписанные договоры и фотографии и достал новый блокнот с желтыми листками. После этого он положил свой крюк на стол и повернулся на стуле так, чтобы свет из окна падал на здоровую часть его лица.

– Ну?

– Мы только что вернулись, – сказал один.

– Вы собрали информацию, за которой я вас посылал?

Другой кивнул и сел на диван.

– Он искал человека по имени Ричер.

Хоби сделал запись в своем блокноте.

– Кто он такой?

Наступило короткое молчание.

– Мы не знаем, – сказал первый.

Хоби медленно кивнул.

– Кто был клиентом Костелло?

Новое молчание.

– Мы не знаем.

– Это очень важные вопросы, – проговорил Хоби.

Первый тип в костюме за тысячу долларов молча смотрел на Хоби, но ему явно было не по себе.

– Вам не пришло в голову задать ему столь важные вопросы?

Второй кивнул:

– Мы их задавали. Без конца, как полоумные.

– Но Костелло не захотел ответить?

– Он собирался, – сказал первый тип.

– Но?

– Умер, – сказал второй. – Просто взял и умер. Он был старым и толстым. Может быть, сердце не выдержало. Мне очень жаль, сэр. Нам обоим жаль.

Хоби снова кивнул, и снова очень медленно.

– Как насчет идентификации?

– Никак, – сказал первый. – Это невозможно сделать.

Хоби посмотрел на подушечки своей левой руки.

– Где нож?

– В море, – ответил второй.

Хоби пошевелил рукой и принялся концом крюка отбивать на столе дробь. Некоторое время он думал, потом решительно кивнул.

– Хорошо, будем считать, что вы не виноваты. Слабое сердце, что вы могли сделать?

Первый расслабился и сел рядом со своим партнером на диван. Они сорвались с крючка, а здесь это выражение имело особое значение.

– Мы должны найти заказчика, – сказал Хоби, обращаясь к тишине.

Оба типа закивали и стали ждать дальнейших распоряжений.

– У Костелло наверняка имелась секретарша, верно? – сказал Хоби. – Она должна знать имя клиента. Привезите ее ко мне.

Оба типа остались сидеть на диване.

– Что?

– Джек Ричер, – начал первый. – Предположительно крупный парень, который вот уже три месяца живет в Ки-Уэсте. Костелло признался нам, что ему рассказывали про крупного парня, три месяца в Ки-Уэсте, работает в ночном баре. Мы туда сходили. Там действительно работает крупный, серьезный парень, но он заявил, что он не Джек Ричер.

– И что?

– Аэропорт Майами, – вмешался второй. – Мы летели на «Юнайтед», потому что рейс прямой. Но чуть раньше в Нью-Йорк вылетала «Дельта», через Атланту.

– И что?

– Крупный парень из бара. Мы видели, как он шел на посадку.

– Уверены?

Первый кивнул:

– На девяносто девять процентов. Он был довольно далеко впереди, но он по-настоящему большой, пропустить его трудно.

Хоби снова принялся постукивать крюком по столу. Погрузился в размышления.

– Ладно, он Ричер, – сказал он. – Наверняка это он. Костелло про него расспрашивал, потом в тот же самый день появились вы и тоже стали задавать вопросы, это его испугало, и он решил сбежать. Но куда? Сюда?

Второй тип кивнул.

– Если он не сошел в Атланте, он здесь.

– Но почему? – спросил Хоби. – И кто он такой, черт его побери?

Он на пару минут задумался и ответил на собственный вопрос:

– Секретарша расскажет мне, кто был клиентом Костелло, верно? – Затем он улыбнулся. – А клиент сообщит мне, кто такой этот Ричер.

Два типа в дорогах костюмах закивали и встали. Старательно обошли мебель и покинули кабинет.

Ричер шел по Центральному парку и пытался оценить размеры задачи, которую перед собой поставил. Он был уверен, что прилетел в нужный город. Произношение всех троих определенно указывало на Нью-Йорк. Однако здесь живет семь с половиной миллионов человек в пяти районах, а с пригородами получится все восемнадцать. Восемнадцать миллионов человек, не склонных разбалтывать свои секреты, когда у них возникает нужда в опытном и действующем быстро частном детективе. Интуиция подсказывала ему, что офис Костелло может нахо-

даться на Манхэттене, но миссис Джейкоб вполне могла жить и в пригороде. Если ты женщина, живущая в пригороде, и тебе нужен частный сыщик, где ты станешь его искать? Естественно, не около супермаркета или проката видеокассет. И не в большом универмаге рядом с магазинами, где продают одежду. Ты берешь «Желтые страницы» ближайшего большого города и начинаешь звонить по телефону. Ты разговариваешь с частным детективом, и он к тебе приезжает, либо ты садишься на поезд и едешь к нему. Из любого места в густонаселенном районе, протянувшемся на сотни квадратных миль.

Ричер решил не снимать номер в отеле. Вполне возможно, что он справится за час. Кроме того, ему требовалась информация, которой отель не мог его обеспечить. Ему требовались телефонные книги всех пяти районов Нью-Йорка с пригородами. Вряд ли они найдутся в отеле. К тому же за телефонные разговоры из отеля придется заплатить сумму, не входившую в его планы. Работа на строительстве бассейнов не сделала его богатым.

Поэтому он отправился в публичную библиотеку на пересечении Сорок пятой и Пятой улиц. Ему казалось, что она самая большая в мире, но наверняка он не помнил. Может, и нет. Но в любом случае достаточно большая, чтобы он смог найти все телефонные книги, какие ему нужны, а также широкие столы и удобные стулья. Четыре мили от площади Рузвельта, час быстрым шагом с остановками на пересечениях улиц и заходом в канцелярский магазин, чтобы купить блокнот и карандаш.

Следующим в кабинет Хоби вошел секретарь и запер за собой дверь. Пересек комнату и уселся на диван, ближайший к столу. Молча посмотрел на Хоби долгим суровым взглядом.

– Что? – спросил Хоби, хотя знал ответ на свой вопрос.

– Вам нужно убираться отсюда, – сказал секретарь. – Здесь становится опасно.

Хоби не ответил ему, взял левой рукой свой крюк и провел по его жуткой поверхности пальцами.

– Вы все спланировали, – сказал секретарь. – Вы обещали. Какой смысл планировать и давать обещания, если вы не собираетесь делать то, что должны?

Хоби пожал плечами и ничего не ответил.

– Мы получили сигнал с Гавайев, так? – напирал секретарь. – Вы планировали уехать отсюда, как только поступит сигнал.

– Костелло не был на Гавайях, – сказал Хоби. – Мы проверили.

– Еще хуже. Кто-то другой там побывал. Кто-то, кого мы не знаем.

– Рутина, – сказал Хоби. – Иначе и быть не может. Сам подумай, зачем кому-то отправляться на Гавайи, пока к нам не поступил сигнал с другой стороны? Ты же знаешь, что это последовательность. Сначала приходит первый сигнал, потом сигнал с Гавайев. Все по порядку, и тогда пора бежать. Только тогда, и не раньше.

– Вы обещали, – повторил секретарь.

– Еще рано, – возразил ему Хоби. – Это нелогично. Ну подумай хорошенько. Если ты увидишь, как кто-то покупает пистолет и коробку с пулями, а потом наставляет его на тебя, ты испугаешься?

– Конечно.

– А я нет, – заявил Хоби. – Потому что он не зарядил пистолет. Первый шаг – это купить пистолет и пули, второй шаг – его зарядить. Пока мы ничего не услышали из другого места, Гавайи будут оставаться незаряженным пистолетом.

Секретарь откинул голову на спинку дивана и посмотрел в потолок.

– Почему вы это делаете?

Хоби выдвинул ящик стола и достал досье Стоуна. Вынул из него подписанный договор. Повернул бумагу так, чтобы на подписи, сделанные ярко-синими чернилами, падал тусклый свет из окна.

– Шесть недель, – сказал он. – Может быть, меньше. Это все, что мне нужно.

Секретарь вытянул вперед голову и прищурился.

– Ради чего?

– Ради самого большого куска, который мне удалось урвать, – ответил Хоби. Он расправил договор на столе и постучал по нему крюком. – Стоун только что отдал мне свою компанию. Три поколения тяжелого труда, а этот придурок преподнес мне их на тарелочке.

– Нет, он преподнес вам на тарелочке кусок дерьма. Вы заплатили один миллион сто тысяч долларов за бумажку, которая ничего не стоит.

Хоби улыбнулся:

– Расслабься и позволь думать мне, ладно? У меня это неплохо получается, согласен?

– Хорошо, и как вы намерены прибрать его к рукам? – спросил секретарь.

– Ты знаешь, что ему принадлежит? Большой завод на Лонг-Айленде и огромный особняк в Паунд-Ридже. Пятьсот домов вокруг завода. Всего получается примерно три тысячи акров, недвижимость близ побережья на Лонг-Айленде, которая просто умоляет, чтобы кто-нибудь начал ее развивать.

– Дома ему не принадлежат, – возразил секретарь.

– Не принадлежат, – не стал спорить с ним Хоби, – по большей части они заложены в маленьком банке в Бруклине.

– Так что вы собираетесь делать? – снова спросил секретарь.

– А ты подумай, – сказал Хоби. – Предположим, я выставлю акции на рынок.

– И ничего, кроме дерьма, за них не получите, – заявил секретарь. – Они ничего не стоят.

– Верно, ничего. Но банкиры, с которыми он имеет дело, этого пока не знают. Он им наврал. Не рассказал о своих проблемах. Иначе почему он пришел ко мне? Банкиры попытаются выяснить, сколько стоят акции, и запросят оценку на бирже. Им скажут, что акции стоят меньше дерьма. Что будет дальше?

– Они запаникуют, – ответил секретарь.

– Правильно, – сказал Хоби. – Они запаникуют, сообразив, что у них на руках дефицит, причем без всякого обеспечения, и наделают полные штаны. И вот тут появится Крюк Хоби, который предложит им двадцать центов за каждый доллар долга Стоуна.

– Они на это пойдут? Двадцать центов за доллар?

Хоби улыбнулся, и его шрамы пришли в движение.

– Пойдут, – ответил он. – Они с радостью отгрызут мне здоровую руку, чтобы получить то, что я им предложу. И добавят к нашей сделке все свои акции.

– Хорошо, и что дальше? Как насчет домов?

– То же самое, – сказал Хоби. – Я владею акциями, значит завод тоже принадлежит мне. Я его закрою. Рабочие лишатся своих мест, отсюда непогашенные в срок закладные. Бруклинский банк будет в ужасе. Я выкуплю закладные по десять центов за доллар, лишу всех права выкупа и выброшу их вон. Затем найму пару бульдозеров и получу три тысячи акров первой-классной недвижимости на Лонг-Айленде. Плюс большой особняк в Паунд-Ридже. По моим прикидкам получается восемь миллионов сто тысяч долларов. Один особняк стоит два миллиона. Значит, у меня останется пакет стоимостью в шесть миллионов сто тысяч долларов, за который я смогу получить на рынке сто миллионов, если все сделаю правильно.

Секретарь молча уставился на него.

– Вот зачем мне нужны шесть недель, – пояснил Хоби.

И тут секретарь покачал головой.

– Не выйдет, – сказал он. – Это старый семейный бизнес. Стоун владеет контрольным пакетом акций. Они не все продаются. Его банку принадлежит только часть. Он не позволит вам все это повернуть.

Хоби тоже покачал головой:

- Он мне их продаст. Все до одной.
- Не продаст.
- Вот увидишь, продаст.

В публичной библиотеке Ричер узнал плохую и хорошую новости. На Манхэттене, в Бронксе, Бруклине, Куинсе, на Стейтен-Айленде, Лонг-Айленде, в Уэстчестере, на побережье Джерси и в Коннектикуте проживало огромное количество людей по фамилии Джейкоб. Ричер решил взять территорию в радиусе одного часа от города. Когда людям, живущим в часе езды от большого города, что-то нужно, они инстинктивно отправляются именно туда. Если же они живут дальше, то, наверное, не всегда. Он делал пометки карандашом в своем блокноте и насчитал сто двадцать девять потенциальных кандидатов на роль миссис Джейкоб, у которой возникла какая-то проблема.

Однако в «Желтых страницах» не нашлось частного сыскного агентства Костелло. Множество Костелло на белых страницах, и ни одного официально зарегистрированного под этим именем. Ричер вздохнул. Он был разочарован, но не удивлен. Вряд ли ему могло настолько повезти, что он открыл бы справочник и на первой странице увидел бы: «Детективное агентство Костелло. Мы специализируемся на поиске отставных военных полицейских в Ки-Уэсте».

Множество агентств имели родовые имена, и они соревновались друг с другом за первое место в списке, взяв в свое название заглавную букву «А». Например, «А-Один» или «АА-детективы» и тому подобное. Другие взяли географические названия вроде «Манхэттен» или «Бронкс». Кое-кто вышел на рынок, напечатав рядом со своим названием: «Паралегальные услуги». Одно агентство заявляло в качестве рекламы, что у них наследственный бизнес, который с незапамятных времен носит название «Галоша». В двух работали только женщины и только для женщин.

Ричер вернулся к белым страницам, взял в руки блокнот и переписал пятнадцать номеров Департамента полиции Нью-Йорка. Затем некоторое время сидел, раздумывая, что делать дальше. Вышел из библиотеки, миновал гигантских сидящих львов и направился к телефону-автомату. Положив блокнот на телефон вместе с кучкой четвертаков, которые нашел у себя в кармане, он начал набирать номера участков. Всякий раз он спрашивал администрацию, надеясь, что ему ответит какой-нибудь старый сержант, просидевший на этой работе много лет и знающий все, что стоит знать.

Он попал в яблочко на четвертом звонке. В первых трех участках ему не смогли помочь, но ему не показалось, что их это огорчило. Четвертый звонок поначалу ничем не отличался от предыдущих: быстрый вопрос, длинная пауза, затем гнусавый голос, раздающийся откуда-то из самых недр заваленного бумагами архива.

– Я ищу человека по имени Костелло, – сказал Ричер. – Он ушел в отставку и начал работать частным детективом, возможно, на себя или на кого-то еще. Ему лет шестьдесят.

– Угу, а вы кто? – спросили его на том конце провода.

Акцент такой же, как у Костелло. Словно это он сам говорит.

– Меня зовут Картер, – сказал Ричер. – Как президента.

– А зачем вам нужен Костелло, мистер Картер?

– У меня для него кое-что есть, но я потерял его визитку, – сказал Ричер. – И не могу найти его номер в справочнике.

– Потому что его там нет. Он работает только на адвокатов. На других клиентов он не работает.

– Значит, вы его знаете?

– Знаю ли я его? Конечно знаю. Он пятнадцать лет проработал в этом здании детективом. Неудивительно, что я его знаю.

– А знаете, где находится его офис?

- Где-то в Виллидже, – прозвучал ответ, и голос замолчал.
- Ричер отодвинул трубку в сторону и тихо вздохнул. Все равно что зуб вырывать.
- Где в Виллидже?
- Гринвич-авеню, если я не ошибаюсь.
- А номер дома?
- Не знаю.
- Номер телефона?
- Нет.
- Вы, случайно, не знаете женщину по имени Джейкоб?
- А я должен?
- Просто выстрел наугад, – ответил Ричер. – Она была его клиенткой.
- Никогда о такой не слышал.
- Ладно, спасибо за помощь, – сказал Ричер.
- Угу, – ответил голос.

Ричер повесил трубку и снова вернулся в библиотеку. Еще раз проверил белые страницы Манхэттена в поисках Костелло на Гринвич-авеню. Ничего. Он вернул справочник на полку, вышел на залитую солнцем улицу и зашагал прочь.

Гринвич-авеню – длинная прямая улица, которая по диагонали уходит на юго-восток от пересечения Четырнадцатой и Восьмой улиц к пересечению Восьмой и Шестой. По обе стороны расположены невысокие, очень характерные для этого района дома, первые этажи которых по большей части заняты маленькими магазинчиками и галереями. Ричер прошел сначала по северной стороне, но не нашел там того, что искал. В конце улицы, рискуя попасть под машину, перебрался на другую сторону и двинулся в обратном направлении. Где-то посередине он обнаружил маленькую медную табличку, прикрепленную к каменному косяку двери. Табличка, одна из нескольких висящих там, представляла собой тщательно отполированный прямоугольник, и на ней было написано: «Костелло».

Черная дверь была открыта. Войдя внутрь, Ричер обнаружил крошечный вестибюль с доской, затянутой вельветом, на котором были вдавлены белые пластмассовые буквы, указывавшие на то, что здание поделено на десять маленьких квартир-офисов. Под номером пять значился Костелло. Из вестибюля вела застекленная дверь, она была заперта. Ричер нажал на звонок возле цифры 5. Никакого ответа. Тогда он принялся стучать изо всех сил, но и это не помогло. Он позвонил в шестой офис. Ему ответил не слишком внятный голос:

- Да?
 - Единая посылочная служба, – сказал он.
- Дверь зажужжала и со щелчком открылась.

Дом был трехэтажным, а если считать отдельный подвал, то четырехэтажным. На первом этаже располагались офисы под номерами один, два и три. Ричер поднялся по лестнице и обнаружил офис номер четыре слева, номер шесть – справа и номер пять – в задней части, причем дверь в него находилась под углом к лестнице, ведущей на третий этаж.

Дверь из гладко отполированного красного дерева была открыта. Не распахнута настежь, лишь слегка приоткрыта. Ричер толкнул ее носком ботинка и увидел маленькую тихую приемную размером с номер мотеля. Стены выкрашены в пастельные тона – что-то среднее между светло-серым и светло-голубым. На полу толстый ковер. Секретарский стол в форме буквы L с навороченным телефоном и компьютер. Шкаф для документов и диван. Окно с матовым стеклом и еще одна дверь, ведущая в кабинет.

В приемной, где царила невероятная тишина, никого не оказалось. Ричер шагнул внутрь и закрыл ногой дверь. Все здесь выглядело так, будто офис открыли для очередного рабочего дня. Он прошел по ковру к двери, ведущей в кабинет. Обернув руку полой рубашки, нажал на

ручку и попал во вторую комнату такого же размера, что и первая. Кабинет Костелло. На стенах черно-белые фотографии в рамках – более молодая версия человека, которого он встретил в Ки-Уэсте, с комиссарами полиции, капитанами, местными политиками, чьи лица были Ричеру незнакомы.

Много лет назад Костелло был худым, но фотографии отображали, как он постепенно старел и становился толще, словно реклама диетической еды, пущенная наоборот. Стену справа от стола украшали фотографии. На столе – промокашка, старомодная чернильница и телефон, рядом кожаное кресло, не раз принимавшее в свои объятия очень тяжелого человека. На левой стене – окно с таким же матовым стеклом и ряд запертых шкафов. Перед столом пара стульев для клиентов, поставленных симметрично и под удобным углом.

Ричер вернулся в приемную и почувствовал, что в воздухе пахнет духами. Обойдя стол секретаря, он обнаружил раскрытую женскую сумочку, аккуратно стоящую около маленького зеркала слева от стула. Внутри Ричер заметил бумажник из мягкой кожи и пластиковую коробку с бумажными платками. Он достал из кармана карандаш и концом с резинкой сдвинул платки в сторону. Под ними обнаружился набор косметики, ключи и аромат дорогих духов.

На мониторе компьютера резвились водянистые линии. Ричер карандашом подтолкнул мышку. Экран фыркнул, засветился и открыл его глазам незаконченное письмо. Курсор терпеливо моргал на середине недописанного слова. Под заголовком стояло сегодняшнее число. Ричер подумал про тело Костелло, лежащее на тротуаре рядом с кладбищем в Ки-Уэсте, посмотрел на аккуратную сумочку отсутствующей женщины, на открытую дверь, недописанное слово, и по спине у него пробежали мурашки.

При помощи карандаша он вышел из письма, и открылось окно с вопросом, хочет ли он внести изменения в письмо. Он подумал и ответил «нет». Открыл экран диспетчера файлов и проверил директории. Он искал счет. По виду офиса Костелло Ричер успел понять, что тот очень аккуратно вел свои дела. Настолько аккуратно, что внес данные о полученном авансе, прежде чем отправился на поиски Джека Ричера. Но когда это произошло? Судя по всему, здесь имелаась четкая последовательность. Сначала – инструкции миссис Джейкоб: ничего, кроме имени, приблизительного роста и не слишком подробного описания его службы в армии. Затем Костелло, видимо, связался с военным архивом в старательно охраняемом комплексе в Сент-Луисе, в котором хранятся все бумаги, касающиеся мужчин и женщин, когда-либо носивших военную форму. Комплекс тщательно охраняется физически, при помощи ворот и проволоки, и бюрократически, огромным количеством самых разнообразных препятствий, целью которых является не допустить туда людей с несерьезными намерениями. После терпеливых расспросов Костелло, скорее всего, узнал про почетную отставку. И дальше с удивлением обнаружил, что оказался в тупике. Затем он решил проверить банковские счета. Позвонил какому-нибудь старому приятелю, попросил об услуге, и тот потянул за нужные веревочки. Возможно, ему прислали из Виргинии не слишком качественный факс или сообщили о положении банковского счета Ричера по телефону. После этого Костелло сел на самолет и поспешил на юг, разгуливал по улице Дюваль и задавал свои вопросы. Потом два типа, кулаки, нож для резки линолеума.

Довольно короткая последовательность, но Сент-Луис и Виргиния должны были отнять у него некоторое время. По подсчетам Ричера, человеку вроде Костелло потребовалось бы три или четыре дня, чтобы получить необходимую информацию из архива. Банк в Виргинии вряд ли выдал нужные ему сведения быстрее. Услуги не всегда оказываются мгновенно. Да, наверное, он все правильно подсчитал. Скажем, семь дней на бюрократическую рутину, день на размышления, день на старт и день на финиш. Наверное, с тех пор, как миссис Джейкоб запустила машину, прошло дней десять.

Ричер открыл подкаталог под названием «Счета». В правой части экрана появилась длинная колонка названий файлов, расположенных по алфавиту. Он провел курсор вниз по списку,

а затем снизу вверх. На букву «Д» не было имени Джейкоб. Как правило, здесь стояли только инициалы, длинные акронимы, возможно обозначающие названия адвокатских фирм. Ричер проверил даты. Десять дней назад – ничего. Но он обнаружил запись, сделанную девять дней назад: «СГРиТ-09». Либо Костелло работал быстрее, чем думалось Ричеру, либо его секретарша – медленнее. Ричер нажал на кнопку мыши, жесткий диск заурчал, и на экране появился счет на тысячу долларов, выданный за поиски пропавшего человека фирмой «Спенсер, Гутман, Риккер и Талбот», находящейся на Уолл-стрит. Там имелся адрес, но телефона не было.

Ричер закрыл файл и вошел в базу данных, решив поискать СГРиТ-09, и вскоре обнаружил страницу с тем же адресом, но на сей раз с номерами телефона, факса, телекса и электронным адресом. Он наклонился и осторожно вытащил несколько бумажных платков из сумки секретарши. Одним платком обернул телефонную трубку, а другой развернул и положил на кнопки. Набрал номер, нажимая на платок. Ему ответили после первого сигнала.

– Спенсер и Гутман, – услышал он веселый голос. – Чем мы можем вам помочь?

– Позовите, пожалуйста, миссис Джейкоб, – деловым тоном попросил Ричер.

– Минутку, – ответили ему.

Зазвучала тихая музыка, а потом он услышал другой мужской голос, он говорил быстро, но уважительно. Наверное, секретарь.

– Миссис Джейкоб, пожалуйста, – повторил Ричер.

Голос секретаря звучал взволнованно:

– Она уже уехала в Гаррисон, и, боюсь, я не знаю, когда она вернется в офис.

– У вас есть ее адрес в Гаррисоне?

– Ее? – удивленно спросил молодой человек. – Или его?

Ричер помолчал, вслушиваясь в удивление, прозвучавшее в голосе, и решил рискнуть.

– Его, конечно. Мне кажется, я потерял адрес.

– И хорошо, что потеряли, – сказали ему. – Боюсь, там была опечатка. Я сегодня объяснил это, наверное, не меньше пятидесяти раз.

Он продиктовал адрес, судя по всему по памяти. Гаррисон, штат Нью-Йорк. Маленький городок примерно в шестидесяти милях вверх по реке Гудзон, почти напротив Уэст-Пойнта⁴, где Ричер провел четыре долгих года.

– Думаю, вам нужно поспешить, – сказал молодой человек.

– Непременно, – ответил Ричер и, ничего не понимая, повесил трубку.

Он закрыл базу данных и оставил экран пустым. Затем бросил последний взгляд на раскрытую сумку пропавшей секретарши, еще раз вдохнул аромат ее духов и вышел из приемной.

Секретарша умерла через пять минут после того, как рассказала, кто такая миссис Джейкоб, то есть через пять минут после того, как Хоби воспользовался своим крюком, чтобы заставить ее говорить. Они находились в директорской ванной комнате в его офисе на восемьдесят восьмом этаже. Идеальное место. Просторное, площадью шестнадцать квадратных футов, – слишком большое помещение для ванной. Дорогой художник по интерьерам отделал все шесть поверхностей – пол, стены и потолок – блестящими серыми плитками из гранита. Здесь имела большая душевая кабина с прозрачной пластиковой занавеской на стальной перекладине. Перекладина была итальянской и явно предназначалась не только для того, чтобы выдерживать прозрачную пластиковую занавеску. Хоби опытным путем выяснил, что она в состоянии выдерживать вес потерявшего сознание человека, прикованного к ней наручниками. Время от времени на ней висели люди более тяжелые, чем эта секретарша, а он задавал им вопросы или убеждал в мудрости того или иного решения, которое они должны были принять.

⁴ Имеется в виду Военная академия сухопутных войск.

Единственной проблемой являлась звукоизоляция. Впрочем, Хоби не сомневался, что с этим все в порядке. Здание было надежным, ведь каждая из башен-близнецов весила более полумиллиона тонн. Огромное количество стали и цемента, отличные толстые стены. Кроме того, у него не было любопытных соседей. Почти все помещения на восемьдесят восьмом этаже снимали торговые представительства каких-то мелких стран, а их служащие большую часть времени проводили в ООН. Точно так же обстояло дело с восемьдесят седьмым и восемьдесят девятым этажами. Именно по этой причине он устроил здесь свой офис. Однако Хоби предпочитал не рисковать, если в этом не было необходимости. Поэтому он пользовался липкой пленкой. Прежде чем начать, он всегда прикреплял к потолку полоски липкой ленты шириной в шесть дюймов. Одна из них предназначалась для рта. Когда у его жертвы начинали вылезать глаза из орбит и она принималась кивать, он срывал пленку и ждал ответа. Если жертвы пытались кричать, он снова залеплял им рот и продолжал заниматься своим делом. Как правило, он получал ответ после того, как срывал вторую полоску.

Выложенный плиткой пол отлично подходил для его целей. Включить на полную мощность душ, вылить пару ведер воды, немного поработать шваброй – и, как только вода уйдет вниз по трубам через восемьдесят восемь этажей в городскую канализацию, здесь снова царят чистота и порядок. Правда, Хоби никогда сам не занимался уборкой. Чтобы работать шваброй, нужны две руки. Это входило в обязанности второго молодого человека, который закатывал до колен свои дорогие брюки и снимал носки и ботинки. Хоби сидел за своим столом и разговаривал с первым молодым человеком.

– Как только я узнаю адрес миссис Джейкоб, ты привезешь ее ко мне, понял?

– Конечно, – ответил тот. – А с этой что?

Он кивком показал на дверь ванной комнаты, и Хоби проследил за его взглядом.

– Подожди до вечера, – сказал он. – Надень на нее часть одежды и отнеси на яхту. Выбросишь тело где-нибудь в заливе в паре миль от берега.

– Она, скорее всего, приплывет назад, – сказал первый молодой человек. – Через несколько дней.

Хоби пожал плечами.

– Мне все равно, – сказал он. – Через несколько дней она распухнет, и копы решат, что она свалилась с моторной лодки. А ее раны объяснят тем, что она попала под лопасти мотора.

Привычка жить тихо и скрывать от остальных людей, кто ты такой, имеет свои преимущества, но и свои недостатки. Чтобы быстрее добраться до Гаррисона, лучше всего было бы взять напрокат машину и сразу отправиться туда. Но для человека, который предпочитает не пользоваться кредитными карточками и не носит с собой водительские права, данная возможность закрыта. Поэтому Ричер взял такси и поспешил на Центральный железнодорожный вокзал. Он был совершенно уверен, что в Гаррисон ходят поезда по железнодорожной линии «Гудзон». Если нет, возможно, там останавливаются поезда «Амтрак»⁵, идущие в Олбани и Канаду.

Он заплатил шоферу, пробрался сквозь толпу к двери, прошел по длинному пандусу и оказался в громадном зале. Ричер принялся оглядываться по сторонам, пытаясь увидеть табло с расписанием отправления поездов. Попробовал вспомнить географию. Поезда, идущие в Кротон-Хармон, ему явно негодились. Они шли на юг. Ричеру по меньшей мере требовался Покипси. Он начал внимательно читать список. Ничего. В течение ближайших полутора часов ни одного поезда, на котором он мог бы добраться до Гаррисона.

Они проделали все так же, как множество раз до этого. Один из них спустился на лифте на девяносто этажей вниз, на подземную погрузочную площадку, и нашел в куче мусора пустую

⁵ «Амтрак» – национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок.

картонную коробку. Лучше всего подходили коробки от холодильников или автоматов по продаже содовой, но однажды ему пришлось довольствоваться коробкой из-под телевизора с экраном в тридцать пять дюймов. На сей раз удалось отыскать коробку от картотечного шкафа. Он воспользовался служебным лифтом на погрузочной площадке и вкатил ее в грузовой лифт. А затем поднялся на восемьдесят восьмой этаж.

Его напарник в ванне застегивал молнию на большом мешке, в которое засунул тело. Они затолкали его в коробку и с помощью липкой пленки заклеили ее, чтобы она не открылась. Затем погрузили на тележку и снова направились к лифту. Но на этот раз они поехали в гараж и подкатали тележку к черному «сабурбану», на счет «три» перегрузили коробку в багажник, затем закрыли его и щелкнули замком. Отошли на несколько шагов и огляделись по сторонам. Окна тонированные, в гараже темно, никаких проблем.

– Знаешь что? – спросил первый. – Если сложим сиденье, то сможем засунуть туда и миссис Джейкоб. И сделаем все за один раз – сегодня ночью. Не люблю я болтаться на яхте больше, чем нужно.

– Давай, – согласился с ним его напарник. – А там есть еще коробки?

– Эта была самая лучшая. Все зависит от того, большая миссис Джейкоб или маленькая.

– Все зависит от того, прикончит ли он ее к сегодняшнему вечеру.

– А у тебя что, есть сомнения? Учитывая, в каком он настроении?

Они вместе подошли к другой стоянке и открыли дверцу черного «шевроле-тахо», маленького по сравнению с «сабурбаном», но все равно довольно большого.

– Ну и где она? – спросил второй.

– В городе, который называется Гаррисон, – ответил его напарник. – Выше по течению Гудзона, за «Синг-Сингом». Примерно час или полтора.

«Тахо» выехал задом со своего места, выскочил из гаража на солнечный свет и помчался в сторону Уэст-стрит, где повернул направо и на огромной скорости полетел на север.

Глава 4

Уэст-стрит превращается в Одиннадцатую авеню сразу напротив 56-й пристани, где направляющиеся на запад машины выезжают с Четырнадцатой улицы и поворачивают на север. Большой черный «тахо» застрял в пробке, и его вопль присоединился к возмущенным крикам других машин, которые отражались от высоких зданий и эхом разносились над рекой. Он медленно прополз девять кварталов и свернул налево на Двадцать третьей улице, затем на Двенадцатой снова поехал на север. Он продвигался вперед со скоростью пешехода, пока не миновал Центр Девитса, потом снова застрял в пробке, возникшей из-за транспорта, который выезжал с Западной Сорок второй улицы. Двенадцатая превратилась в Миллер-хайвей, по-прежнему запруженный машинами вплоть до громадной территории старой железнодорожной станции. Миллер вывел их на Генри-Гудзон-паркуэй, и они продолжали медленно продвигаться вперед. Генри-Гудзон-паркуэй формально являлась шоссе 9А, которое в Кротонвилле становилось 9-м шоссе и должно было привести их в Гаррисон. Прямая дорога, никаких поворотов, но они все еще находились на Манхэттене, у Риверсайд-парка, хотя прошло уже полчаса с тех пор, как они выехали из гаража.

Ричер понимал, что курсор, мигающий в середине слова, имеет огромное значение. Открытая дверь и брошенная сумка тоже наводили на размышления, но не являлись критическим фактором. Служащие офисов обычно забирают свои вещи и закрывают двери, но не всегда. Секретарша могла выйти в коридор, там ее отвлекли поиски бумаги или чья-нибудь просьба помочь разобраться с копировальной машиной, а дальше чашечка кофе и история о вчерашнем свидании с кучей подробностей. Человек, который выходит на пару минут, оставив сумку и дверь открытой, вполне может вернуться через полчаса. Но никто не бросает несохраненный текст на компьютере. Даже на минуту. А эта женщина оставила. Компьютер спросил Ричера, хочет ли он сохранить изменения, внесенные в текст. Значит, она встала из-за стола, не успев нажать на иконку «Сохранить», что является такой же привычкой для людей, каждый день имеющих дело с компьютерами, как необходимость дышать.

Этот факт придавал данному делу весьма неприятный оттенок. Ричер прошел в другой зал вокзала, держа в руке чашку черного кофе на двадцать унций, которую купил по дороге в киоске. Он плотно закрыл крышку и сжал свернутые в трубочку деньги, лежащие в кармане. Трубочка была достаточно толстой для того, что он собирался сделать. Он побежал назад, к путям, где готовился к отправке очередной поезд на Кротон.

Генри-Гудзон-паркуэй в районе Сто семидесятой улицы превращается в переплетение извивающихся съездов с главной дороги, и все дороги, ведущие на север, получили название Риверсайд-драйв. Та же дорога, то же направление, никаких поворотов, но сложная динамика напряженного движения означает, что, если один водитель сбрасывает скорость больше чем до средней, возникает что-то вроде пробки и за ним выстраивается очередь в сотню машин, и все потому, что какой-то деревенский парень неожиданно засомневался, что ему следует делать. Большой черный «тахо» практически остановился напротив Форт-Вашингтон, а потом медленно пополз вперед под мостом Вашингтона. Дальше Риверсайд-драйв расширяется, и «тахо» включил третью передачу, но, когда указатели сообщили, что они снова выбрались на Генри-Гудзон, движение в очередной раз замерло у площадки контрольного пункта. «Тахо» остановился, дожидаясь своей очереди заплатить деньги, покинуть Манхэттен и направиться на север через Бронкс.

Вдоль реки Гудзон между Центральным вокзалом и Кротон-Хармон ходят два типа поездов: местные и экспрессы. Экспрессы идут с той же скоростью, что и местные, но делают меньше остановок. Вся дорога занимает у них от сорока девяти до пятидесяти двух минут. Местные поезда останавливаются везде, они тормозят, стоят на станциях, потом снова набирают скорость. В результате на весь путь уходит от шестидесяти пяти до семидесяти трех минут. Получается, что экспресс экономит вам около двадцати четырех минут.

Ричер сел на местный поезд. Он заплатил кондуктору пять с половиной баксов за билет в одну сторону и уселся боком на пустую скамейку, чувствуя, что перебрал кофе. Прислонив голову к оконному стеклу, он спрашивал себя, куда, черт подери, он едет и зачем и что предпримет, когда доберется до места. И успеет ли вовремя, чтобы сделать то, что нужно, – что бы это ни было.

Шоссе 9А превратилось в 9-е и, грациозно извиваясь, понеслось прочь от реки, чтобы обогнуть Кемп-Смит. В Уэстчестере они ехали довольно быстро, хотя, конечно, не как на гонках, потому что дорога оказалась не в самом лучшем состоянии для поддержания большой скорости, но зато она была пустой, эта бегущая через лес лента, где участки старого асфальта чередовались с участками нового. Время от времени возникали свежеевыкрашенные жилые дома за высокими деревянными заборами, с жизнерадостными названиями, вырезанными на больших камнях, установленных у ворот. «Тахо» мчался вперед, один из его пассажиров сидел за рулем, другой держал на коленях карту.

Миновав Пикскилл, они начали искать левый поворот, нашли его и помчались к реке, чувствуя, что она должна быть где-то впереди. Они въехали в Гаррисон и стали искать адрес, который запомнили наизусть. Оказалось, что это совсем не просто. Жилые районы были разбросаны и располагались на приличном расстоянии друг от друга. У вашего телефона мог быть код Гаррисона, даже если ваш дом находился довольно далеко от него. Однако им удалось найти нужную дорогу, они сделали все нужные повороты и отыскали нужную им улицу. Тогда они сбросили скорость и, изучая почтовые ящики, медленно покатали по дороге в редком лесу над рекой. Дорога неожиданно свернула и стала шире, но они продолжали ехать дальше. Наконец они увидели дом, который искали, резко затормозили и остановились у обочины.

Ричер вышел из поезда в Кротоне через семьдесят одну минуту после того, как вошел в него. Он взбежал вверх по лестнице, перешел на другую сторону и спустился на стоянку такси. Носом к входу на станцию стояли четыре машины, все до одной старые модели фургонов «каприз» с фальшивыми деревянными боками. Первой его заметила приземистая женщина, которая склонила голову набок, словно приготовилась выслушать его указания.

– Вы знаете Гаррисон? – спросил у нее Ричер.

– Гаррисон? – переспросила она. – Это далеко, мистер. Двадцать миль.

– Я знаю, где это, – сказал он.

– Сорок баксов, не меньше.

– Я дам вам пятьдесят, – сказал он. – Но мне нужно быть там как можно быстрее.

Ричер сел на переднее сиденье рядом с ней. В машине пахло, как пахнет в старых такси: приторно-сладким освежителем воздуха и чистящим средством для обивки сидений. На счетчике было миллион миль, и машина раскачивалась, как лодка на волнах, когда женщина промчалась по парковке, выскочила на шоссе и повернула на север.

– У вас адрес есть? – спросила она, не сводя глаз с дороги.

Ричер назвал адрес, продиктованный ему секретарем из адвокатской конторы. Женщина кивнула и приготовилась к скоростной гонке.

– Это около реки, – сказала она.

Через пятнадцать минут они проехали Пикскилл и сбросили скорость, чтобы не пропустить нужный поворот налево. Затем женщина резко развернула свое огромное судно и поехала на запад. Ричер почувствовал, что впереди река в милю шириной, бегущая сквозь лес. Женщина прекрасно знала, куда им нужно, и почти у самой реки свернула на север на местную дорогу. Между ними и водой шли железнодорожные рельсы. Но поездов на них не было. Местность начала понижаться, и Ричер увидел на другом берегу реки, примерно в миле впереди и слева, Уэст-Пойнт.

– Где-то здесь, – сказала женщина.

Они ехали по узкой проселочной дороге, облагороженной заборами из грубого дерева, полянками со скошенной травой и сельскохозяйственными культурами. Почтовые ящики встречались на расстоянии ста ярдов друг от друга, тут и там торчали столбы с протянутыми среди ветвей проводами.

– Ого! – удивленно вскрикнула женщина. – Похоже, это то, что нам нужно.

Дорога и без того была узкой, а теперь стала почти непроходимой. На обочине выстроилось около сорока машин, по большей части черных или темно-синих. Все до одной аккуратные седаны последних моделей или роскошные спортивные автомобили. Таксистка въехала на подъездную дорожку, но плотный строй машин тянулся до самого дома. Еще десять или двенадцать машин стояли на площадке перед гаражом. Две из них – простые седаны с детройтскими номерами, зеленого цвета. Военные. Ричер мог за милю отличить их от всех остальных.

– То, что надо? – спросила женщина.

– Наверное, – осторожно ответил Ричер.

Он достал из пачки бумажку в пятьдесят долларов и протянул ей. Выбрался из машины и остановился на дороге, не зная, что делать дальше. Он слышал, как с ревом развернулось такси, прошел немного назад, взглянул на длинный строй машин, потом на почтовый ящик. На верхней его части алюминиевыми буквами было написано имя: Гарбер. Это имя он знал так же хорошо, как свое собственное.

Дом стоял на большом участке, не слишком ухоженном, представлявшем нечто среднее между отпущенной на свободу природой и запустением. Сам дом оказался низким и вытянутым, из темного кедра, с темными сетками на окнах и большой каменной трубой – скромный и уютный загородный дом. Вокруг царил тишина. В воздухе пахло жарой, сыростью и землей. Ричер слышал стрекот насекомых в траве и чувствовал присутствие реки за домом, уносившей на юг попавшие в ее сети звуки.

Он подошел ближе и услышал, что из-за дома доносятся приглушенные голоса. Похоже было, что там собралось много народа. Ричер двинулся на звук, обогнул гараж и оказался на верхней площадке цементной лестницы, которая выходила на запад, на задний двор и реку, ослепительно-голубую в лучах солнца. Примерно в миле к северо-западу, чуть справа, терялся в дымке Уэст-Пойнт, приземистый и серый из-за разделявшего их расстояния.

Задний двор представлял собой поляну, отвоетанную у леса, растущего на вершине обрыва. На этой поляне, заросшей коротко подстриженной травой, собралась внушительная толпа, человек сто, все в черном, мужчины и женщины, черные костюмы и галстуки, блузки и туфли, если не считать полдюжины армейских офицеров в парадной форме. Они тихо разговаривали, держа в руках бумажные тарелки и стаканы с вином. Настроение у всех было пасмурное.

Похороны. Он без приглашения заявился на похороны. Ричер замер в смущении, вырисовываясь на фоне неба в одежде, которую он надел вчера в Ки-Уэсте: выцветшие хлопчатобумажные штаны, мягкая желтая рубашка, старые ботинки на босу ногу, выгоревшие на солнце волосы торчат в разные стороны, на лице дневная щетина. Он посмотрел вниз, на собравшихся там людей, и они дружно замолчали и подняли головы, словно он внезапно хлопнул в ладоши. Ричер не шевелился. Все молча смотрели на него, а он – на них. На площадке воцарилась

тишина и неподвижность. Потом какая-то женщина отдала свою тарелку и стакан человеку, стоявшему рядом, и вышла вперед.

Она была молодой, может, лет тридцати, в строгом черном костюме, как и все остальные. Бледная, напряженная и невероятно красивая. До боли красивая. Очень стройная и высокая в своих туфлях на каблуке, длинные ноги в черных прозрачных чулках. Роскошные светлые волосы, распущенные по плечам, голубые глаза, изящная фигура. Она грациозно прошла по лужайке и остановилась у подножия лестницы, как будто ждала, что он к ней спустится.

– Привет, Ричер, – тихо проговорила она.

Он посмотрел на нее сверху вниз. Она знала, кто он. А он знал, кто она. Это знание пришло к нему неожиданно, словно кинолентку прокрутили на пятнадцать лет назад за одно короткое мгновение. Девочка-подросток выросла и превратилась в красивую женщину, которая стояла перед ним. Гарбер, имя на почтовом ящике. Леон Гарбер был его командиром в течение многих лет. Ричер вспомнил, как они познакомились, потом начали узнавать друг друга на барбекю, которые устраивали на задних дворах жаркими влажными вечерами на Филиппинах. Стройная девочка, скользившая в тени уютного, жалкого дома на базе, уже женственная в свои пятнадцать, но все еще ребенок – невероятное искушение и одновременно запретный плод. Джоди, дочь Гарбера. Его единственный ребенок. Единственная радость всей его жизни. Перед ним стояла Джоди Гарбер, только пятнадцать лет спустя, повзрослевшая и ослепительно красивая. Она стояла и ждала его внизу цементной лестницы.

Он обвел взглядом толпу и спустился на лужайку.

– Привет, Ричер, – повторила Джоди.

Ее голос звучал тихо и напряженно. Он был грустным, как и все вокруг.

– Привет, Джоди, – ответил Ричер.

Он хотел спросить: «Кто умер?» Но не смог подобрать слов, чтобы вопрос не прозвучал грубо или по-дурацки. Она поняла его и кивнула.

– Папа, – просто сказала она.

– Когда? – спросил он.

– Пять дней назад, – ответила Джоди. – Он болел последние несколько месяцев, но произошло все внезапно... Мы не ожидали.

Ричер медленно кивнул.

– Мне очень жаль, – сказал он.

Он посмотрел на реку, и лица собравшихся на лужайке людей неожиданно превратились в лицо Леона Гарбера, приземистого крепкого мужчины. Широкая улыбка никогда не сходила с его лица, независимо от того, был ли он счастлив, раздражен, или ему грозила опасность. Храбрый человек во всех отношениях. Великий командир. Кристально честный, справедливый и пронизательный. Человек, которому Ричер подражал в те годы, когда формировался его характер. Его наставник и крестный отец. Его защитник. Он использовал все свое влияние, чтобы дважды за восемнадцать месяцев Ричер получил повышение и стал самым молодым майором мирного времени, а Леон развел руками, улыбнулся и заявил, что он тут совершенно ни при чем.

– Мне очень жаль, Джоди, – повторил Ричер.

Она молча кивнула.

– Поверить не могу, – проговорил он. – В это невозможно поверить. Я видел его меньше года назад. Он был тогда в отличной форме. Он заболел?

Она снова кивнула.

– Но он всегда был таким крепким, – сказал Ричер.

Джоди грустно ответила:

– Да, был. Всегда был таким крепким.

– И не старым, – добавил он.

– Шестьдесят четыре.

– Что же произошло?

– Сердце, – ответила Джоди. – Оно все-таки подвело его. Помнишь, как он всегда делал вид, что у него нет сердца?

Ричер покачал головой:

– Такого доброго сердца я не встречал ни у кого.

– Я узнала это, когда умерла мама. Мы с ним стали лучшими друзьями на целых десять лет. Я его очень любила.

– Я тоже его любил, – сказал Ричер. – Как будто он был моим отцом, а не твоим.

– Он постоянно тебя вспоминал, – кивнула Джоди.

Ричер отвернулся и посмотрел на окутанные дымкой серые очертания домов Уэст-Пойнта. Ему казалось, что все тело у него онемело. Он находился в такой временной зоне, когда начали умирать люди, которых он знал. Умерли его родители, умер брат, а теперь вот человек, ставший для него родным.

– Полгода назад у него случился сердечный приступ, – сказала Джоди. В глазах у нее появились слезы, и она убрала прядь длинных волос за ухо. – Он вроде бы поправился, выглядел совсем неплохо, но на самом деле очень быстро сдавал. Врачи говорили о возможности шунтирования, но ему стало хуже. Он бы не пережил операцию.

– Мне очень жаль, – в третий раз сказал Ричер.

Джоди взяла его под руку и пошла рядом с ним.

– Не стоит жалеть. Он всегда радовался жизни. Хорошо, что он умер быстро. Я не могу себе представить, чтобы он медленно угасал и при этом оставался счастливым и всем довольным.

Перед глазами Ричера возник Гарбер, вечно куда-то спешащий, яростно кого-то отчитывающий, настоящий сгусток энергии, и он понял, в каком отчаянии пребывал бы его командир, став инвалидом. А еще он понял, что старое, столько бравшее на себя сердце в конце концов сдалось и перестало сражаться.

– Иди поздоровайся с теми, кто к нам пришел, – сказала Джоди. – Может, ты кого-нибудь из них знаешь.

– Я одет неподходящим образом, – возразил Ричер. – И мне неудобно. Пожалуй, мне лучше уйти.

– Это не имеет значения, – сказала она. – Неужели ты думаешь, что папе было бы не все равно?

Он представил себе Гарбера в старой, мятой форме и потрепанной шляпе. Гарбер был самым плохо одетым офицером в американской армии все тринадцать лет, что Ричер служил под его началом. Ричер слабо улыбнулся.

– Думаю, он не стал бы возражать.

Джоди провела его на лужайку. Из сотни собравшихся почтить память Гарбера он знал человек шесть. Двое ребят в форме показались ему знакомыми. С несколькими людьми в черных костюмах он работал в разных местах в той, другой, жизни. Он пожал руки, наверное, дюжине человек и попытался услышать их имена, но они ускользали, влетая в одно ухо и тут же вылетая из другого. Постепенно тихие разговоры возобновились, толпа сомкнулась вокруг него, и ощущение не слишком удачного появления отступило. Джоди продолжала держать его руку, и он чувствовал, какая у нее холодная ладонь.

– Я кое-кого ищу, – сообщил Ричер. – Именно за этим я сюда приехал.

– Я знаю, – сказала она. – Ты ищешь миссис Джейкоб, верно?

Он кивнул и спросил:

– Она здесь?

– Миссис Джейкоб – это я.

Два типа в черном «тахо» выбрались из строя машин и постарались оказаться подальше от линии электропередач, которая создавала помехи для телефона. Тот, что сидел за рулем, набрал номер, и сигнал вызова нарушил тишину в салоне. Через некоторое время на восьмидесят восьмом этаже в шестидесяти милях от этого места сняли трубку.

– У нас проблема, босс, – сказал водитель. – Тут какое-то сборище, похороны, что ли. Собралось человек сто. Мы не смогли захватить миссис Джейкоб. Мы даже не знаем, кто она. Здесь куча женщин, и она может оказаться любой из них.

Из микрофона донеслось ворчание.

– Что дальше?

– Помните того парня из бара в Ки-Уэсте? Он только что приехал на такси. Примерно через десять минут после нас. И вошел внутрь.

В трубке что-то защелкало, и они не смогли разобрать ответ.

– Так что нам делать? – спросил водитель.

– Оставайтесь на месте, – сказал Хоби. – Может быть, стоит спрятать машину и где-нибудь залечь. Дождитесь, когда все уйдут. Насколько я понимаю, дом ее. Может, там живет ее семья или это загородный дом. Рано или поздно все уедут, а она останется. Без нее не возвращайтесь, поняли?

– А как насчет того парня?

– Если он уедет, пусть уезжает. Если останется, прикончите его. Но женщину привезите ко мне.

– Ты миссис Джейкоб? – спросил Ричер.

Джоди Гарбер кивнула.

– Была, – сказала она. – Я разведена, но фамилию оставила, для работы.

– А кем он был?

Она пожала плечами:

– Адвокатом, как и я. Тогда мне казалось, что это хорошая идея.

– Как долго?

– Три года, от самого начала до самого конца. Мы познакомились в юридической школе, поженились, когда получили работу. Я осталась на Уолл-стрит, а он пару лет назад стал работать на фирму в округе Колумбия. Брак оказался не для него, и все закончилось само собой. А прошлой осенью он прислал мне бумаги на развод. Сейчас я вообще с трудом его вспоминаю. Всего лишь имя. Алан Джейкоб.

Ричер стоял на залитой солнцем лужайке и смотрел на Джоди. Неожиданно он понял, что его огорчило ее замужество, пусть и бывшее. В пятнадцать лет, еще совсем ребенок, она уже была великолепна, уверенная в себе, невинная и немного робкая одновременно. Он наблюдал за тем, как робость сражается в ней с любопытством, когда она сидела рядом и, набравшись храбрости, разговаривала с ним о смерти и жизни, о добре и зле. Потом, еще больше смущаясь, подбирала под себя колени и спрашивала о любви, сексе, женщинах и мужчинах, краснела и убегала. Он оставался в одиночестве, чувствуя, как холодеет все внутри, восхищаясь ею и ругая себя за это. Через несколько дней он встречал ее где-нибудь на территории базы, и она снова отчаянно краснела. И вот прошло пятнадцать лет, она превратилась во взрослую женщину, закончила колледж и юридическую школу, побывала замужем и развелась; красивая, сдержанная, элегантная, она стоит во дворе дома своего умершего отца и держит его под руку.

– Ты женат? – спросила она.

Ричер покачал головой:

– Нет.

– Но ты счастлив?

– Я всегда счастлив, – ответил он. – Всегда был и всегда буду.

– И чем ты занимаешься?

Он пожал плечами:

– Ничем особенным.

Поверх ее головы он обвел взглядом лица людей, собравшихся на лужайке. Тихо переговаривающиеся деловые люди, солидная жизнь, отличная карьера, упорное продвижение вперед по общественной лестнице. Он смотрел на них и спрашивал себя, кто дурак – он или они. И вдруг вспомнил выражение лица Костелло.

– Я был в Ки-Уэсте, – сказал он. – Копал ямы для бассейнов.

На лице Джоди ничего не отразилось. Она попыталась сжать рукой его предплечье, но ладонь у нее оказалась слишком маленькой, и он почувствовал лишь легкое прикосновение.

– Там Костелло тебя и нашел? – спросила она.

«Он нашел меня не для того, чтобы пригласить на похороны», – подумал Ричер.

– Нам нужно поговорить про Костелло, – сказал он.

– Он мастер своего дела, верно?

«Не так чтобы очень», – подумал Ричер.

Джоди отошла к гостям. Ее ждали, чтобы высказать свои соболезнования. Вино делало свое дело, разговоры стали громче и сентиментальнее. Ричер направился к патио, где на большом столе, накрытом белой скатертью, стояла еда. Он положил на бумажную тарелку кусок холодного цыпленка и немного риса и взял стакан воды. Старая дачная мебель не пользовалась у гостей популярностью, потому что была испачкана соком деревьев. Большой зонтик, защищавший от солнца, давно выцвел. Ричер шагнул под него, выбрал грязный стул и уселся на него в полном одиночестве.

Он наблюдал за людьми, пришедшими почтить память его бывшего командира, и ел. Ему казалось, что любовь, которую все испытывали к Гарберу, можно потрогать руками. Человек вроде него всегда вызывает в других любовь, иногда такую сильную, что ее неловко высказать вслух, поэтому она вырывается на поверхность, когда он умирает. Джоди ходила между гостями, кивала, пожимала руки, грустно улыбалась. Каждый хотел рассказать ей свою историю о том, какое золотое сердце было у внешне сурового и вспыльчивого человека. Ричер и сам мог бы кое-что добавить к этим историям, но понимал, что не станет, потому что Джоди не нужно объяснять, каким замечательным был ее отец. Она и так все знала. Она всю жизнь любила отца, а он любил ее. Они все рассказывали друг другу, никогда ничего не скрывая. Люди живут, а потом умирают, но, если они делают и то и другое правильно, им не о чем жалеть.

Они нашли на той же дороге дачный домик, закрытый и пустой, и заехали за гараж, где «тахо» не был виден с улицы, но откуда он мог в любой момент рвануть в погоню. Они достали из бардачка девятимиллиметровые пистолеты и положили их в карманы пиджаков. Прошли назад по дороге и спрятались в кустах.

Им пришлось несладко. Они находились всего в шестидесяти милях от Нью-Йорка, но это вполне могли быть джунгли Борнео. Ветви ползучих растений цеплялись за одежду, путались под ногами, то и дело лезли в лицо и хватали за руки. Здесь в основном рос одичавший широколистный табак, ветви которого торчали под самыми немислимыми углами. В конце концов они развернулись и пошли спиной вперед, с трудом пробиваясь сквозь густые заросли. Наконец они добрались до дома Гарбера, тяжело дыша, перепачкавшись во мху и зеленой пыльце. Они осторожно проскользнули на территорию и нашли небольшую ямку, где и спрятались, устроившись так, чтобы видеть дорожку, ведущую от заднего двора к воротам. Гости уже начали расходиться.

Вскоре им удалось определить, кто из них миссис Джейкоб. Если Хоби не ошибся и она действительно хозяйка дома, тогда это была та стройная блондинка, что пожимала руки и про-

щалась с расходившимися гостями. Они уезжали, а она оставалась. Она – миссис Джейкоб. Она была центром всеобщего внимания, мужественно улыбалась, иногда с кем-то обнималась, махала рукой. Гости выходили на подъездную дорожку по одному, по двое, затем большими группами. Заработали двигатели, и в воздухе поплыли голубые облака выхлопа. Машины, выезжавшие из плотного строя, зашуршали шинами и умчались прочь по пустой дороге. Да, это будет легко. Очень скоро она останется одна, наедине со своим горем. И тогда к ней придут еще два гостя. Может быть, она увидит их издали и подумает, что кто-то еще решил выразить ей свои соболезнования. В конце концов, они ведь в черных костюмах и галстуках. Костюм, подходящий для делового Манхэттена, вполне сойдет для похорон.

Ричер поднялся по цементной лестнице и прошел за ворота вместе с двумя последними гостями – полковником и генерал-майором в безупречной парадной форме. Он и не ожидал ничего другого. Военные всегда последними покидают места, где подают бесплатную еду и выпивку. Он не знал полковника, но ему показалось, что генерала он видел раньше. Генерал, похоже, тоже его узнал, но они сделали вид, что незнакомы. Ни тому ни другому не хотелось вступать в длинные и сложные объяснения на тему «Чем ты теперь занимаешься?».

Военные с официальным видом пожали Джоди руку, встали по стойке смирно и отдали ей честь. Четкие движения, блестящие ботинки, глаза смотрят вперед примерно на тысячу ярдов – весьма необычное явление в зеленой тишине деревенской дороги. Они сели в последнюю оставшуюся перед гаражом машину, один из тускло-зеленых седанов, припаркованных рядом с домом. Они прибыли первыми, а уезжали последними. Мирное время, холодная война забыта, в свободный день нечего делать. Именно по этой причине Ричер с радостью принял свое увольнение из армии. Глядя вслед машине, выезжающей на дорогу, он подумал, что был совершенно прав.

Джоди подошла к нему и снова взяла под руку.

– Ну вот и все, – сказала она.

Шум удаляющейся машины стих, и вокруг них воцарилась тишина.

– Где его похоронили? – спросил Ричер.

– На городском кладбище, – ответила она. – Он мог бы покоиться на Арлингтонском, но не хотел. Пойдешь на кладбище?

Он покачал головой:

– Нет, я не по этим делам. Ему теперь все равно, верно? Он знал, что мне будет его не хватать, потому что я ему это сказал давным-давно.

Джоди кивнула, не выпуская его руки.

– Нам нужно поговорить про Костелло, – снова сказал Ричер.

– Почему? – спросила она. – Он передал тебе то, что я просила?

Ричер покачал головой:

– Нет, он меня нашел, но я не признался, что я Джек Ричер, потому что его появление показалось мне странным.

Джоди удивленно посмотрела на него:

– Почему?

– Думаю, привычка, – пожав плечами, ответил Ричер. – Я стараюсь никуда не впутываться. Имя Джейкоб показалось мне незнакомым, и я не стал с ним разговаривать. Меня вполне устраивала моя тихая жизнь.

Джоди не сводила с него глаз.

– Наверное, мне следовало воспользоваться своей девичьей фамилией, – сказала она. – В конце концов, это было папино дело, а не мое. Но я действовала через свою фирму и просто не подумала. Ты бы его выслушал, если бы он сказал, что тебя ищет Гарбер?

– Конечно, – ответил он.

- И тебе не о чем беспокоиться, потому что это не так чтобы очень серьезное дело.
- Мы можем войти в дом?
- Почему? – снова удивленно спросила Джоди.
- Потому что это очень серьезное дело.

Они видели, как миссис Джейкоб провела крупного парня в дом через переднюю дверь. Она отодвинула экран с сеткой от насекомых, и парень придерживал его, пока она поворачивала ручку и открывала дверь. Это была большая дверь из тускло-коричневого дерева. Они вошли внутрь, и дверь захлопнулась за ними. Через десять секунд в окне слева загорелся неяркий свет. Наверное, гостиная, решили они. Снаружи так буйно разрослись отпущенные на свободу растения, что даже днем приходилось зажигать свет. Они скорчились в своей сырой яме и стали ждать. В солнечных лучах резвились насекомые, а они поглядывали друг на друга и прислушивались к тому, что происходит в доме. Но оттуда не доносилось ни звука.

Они вылезли из ямы и поползли к подъездной дорожке. Потом, пригнувшись, промчались к углу гаража, прижались к стене и начали осторожно подбираться к дому. Дружно засунули руки в карманы пиджаков, чтобы достать оружие, и, наставив пистолеты в землю, по очереди, стараясь не шуметь, добежали до крыльца, перегруппировались и медленно двинулись вперед по старым скрипучим доскам. В конце концов они присели на пол по обе стороны от входной двери, прижавшись спинами к дому и выставив перед собой пистолеты, готовые в любой момент пустить их в ход. Она вошла в дом здесь. Значит, отсюда и выйдет. Просто нужно немного подождать.

- Кто-то его убил? – повторила Джоди.
- И его секретаршу, скорее всего, тоже, – сказал Ричер.
- Не могу поверить. Почему? – спросила она.

Джоди провела его через темный коридор в дальний конец дома. Крошечное окно, темные деревянные панели и тяжелая коричневая мебель из кожи придавали комнате мрачный вид. Джоди включила лампу на столе, и она тут же превратилась в уютную мужскую берлогу вроде довоенных баров, которые Ричеру довелось повидать в Европе. На двух полках стояли дешевые книги, купленные по подписке много лет назад. Потускневшие фотографии с потрепанными краями были прикреплены кнопками к краям полок. У стены стоял простой письменный стол – место, где пожилой человек на пенсии заполнял счета, совсем как когда-то на службе занимался разными официальными бумагами.

– Я не знаю почему, – ответил Ричер. – Я ничего не знаю. Мне даже неизвестно, почему ты отправила Костелло искать меня.

– Ты понадобился папе, – проговорила Джоди. – Он не сказал мне зачем. Я была очень занята, мне предстоял суд, чрезвычайно сложное дело, которое рассматривалось несколько месяцев. Мне известно только, что, когда он заболел, он пошел к кардиологу. Там он с кем-то встретился, и возникла какая-то проблема, очень его беспокоившая. Мне показалось, что он считал, будто у него появились серьезные обязательства. Потом, когда ему стало хуже и он понял, что не сможет довести дело до конца, он начал говорить, что должен разыскать тебя и попросить ему помочь, потому что ты именно тот человек, которому по силам с этим справиться. Он страшно волновался, а я беспокоилась за него и потому сказала, что попрошу Костелло тебя найти. Наша фирма часто пользуется его услугами, и я решила, что так будет правильно.

Ее объяснения звучали разумно, но Ричера мучил вопрос: «Почему я?» Ему было понятно, с какой проблемой столкнулся Гарбер. Он занимался каким-то делом, потом у него пошатнулось здоровье, он не хотел бросать начатое на полпути, и ему потребовалась помощь. Но человек вроде Гарбера мог получить ее где угодно. Манхэттенские «Желтые страницы»

кишат объявлениями о частных детективных агентствах. А если дело было слишком личным или секретным для чужого человека, он мог взять телефонную трубку и к нему тут же примчалась бы дюжина его друзей из военной полиции. Две дюжины. Сотня. Все они были бы только рады отплатить ему за доброту и помощь, которую он им оказывал с первого дня их службы. Поэтому Ричер и спрашивал себя сейчас: «Почему именно я?»

– А с кем он встретился у кардиолога?

Джоди с несчастным видом пожала плечами:

– Я не знаю. Я была слишком занята. Мы с ним это не обсуждали.

– Костелло сюда приезжал? Разговаривал с ним здесь?

– Я ему позвонила и сказала, что мы ему заплатим через фирму, но он должен приехать сюда, чтобы получить подробные указания, – ответила Джоди. – Он перезвонил через пару дней, сказал, что поговорил с папой и они приняли решение искать тебя. Он попросил, чтобы я наняла его официально, поскольку могло так получиться, что это окажется дорого. Естественно, я так и сделала, потому что не хотела, чтобы папа беспокоился о деньгах.

– Вот почему он сказал мне, что его наняла миссис Джейкоб, а не Леон Гарбер, – проговорил Ричер. – И я не стал с ним разговаривать. И его из-за этого убили.

Джоди покачала головой и сердито посмотрела на него, словно на нового сотрудника, который плохо сделал порученную ему работу. Ее взгляд удивил Ричера. Он продолжал думать о ней как о пятнадцатилетней девочке, а не как о тридцатилетней адвокатессе, постоянно занимающейся длинными и сложными судебными процессами.

– Понятно, что произошло, – сказала она. – Папа что-то рассказал Костелло, тот попытался кое-что разузнать, прежде чем искать тебя, перевернул не тот камень и заставил кого-то насторожиться. Этот кто-то убил его, чтобы узнать, кого он искал и почему. Так что не имеет никакого значения, что сделал ты. Они все равно попытались бы выяснить, кто пустил его по следу. Получается, что это я виновата в его смерти.

Ричер покачал головой:

– Нет, это Леон. Через тебя.

Она тряхнула головой в ответ:

– Нет, это человек из кардиологической клиники. Через папу, а потом через меня.

– Мне нужно его найти, – сказал Ричер.

– А разве теперь это имеет значение?

– Думаю, имеет, – ответил Ричер. – Если Леона что-то беспокоило, значит теперь это беспокоит меня. У нас с ним всегда так было.

Джоди молча кивнула, потом быстро встала и подошла к книжным полкам. Ногтем вытаскивала кнопку, сняла одну из фотографий, несколько мгновений смотрела на нее, а затем передала Ричеру.

– Помнишь? – спросила она.

Фотографии было лет пятнадцать, цвета потускнели, как это случается со старой пленкой «Кодак» под воздействием времени и солнца. Яркое небо Манилы, голый двор, земля под ногами. Слева стоит Леон Гарбер, ему лет пятьдесят, он в мятом рабочем комбинезоне оливкового цвета. Ричер справа, лейтенант, двадцать четыре года, на фут выше Гарбера, сияет счастливой улыбкой. А между ними пятнадцатилетняя Джоди в летнем платье, одна голая рука на плече отца, другой она обнимает Ричера за талию. Она щурится на солнце и тоже улыбается, прижимаясь к Ричеру всем своим стройным загорелым телом.

– Помнишь? Папа тогда только что купил «Никон» по почте. С таймером. Взял у кого-то треногу и не мог дождаться, чтобы его испробовать.

Ричер кивнул. Он помнил. Помнил запах ее волос в тот день, согретых горячим тихоокеанским солнцем. Чистых волос юного существа. Он помнил, как ощущал ее тело рядом со своим. Помнил, что чувствовал, когда ее тонкая рука обхватила его за пояс. А еще он пом-

нил, как кричал самому себе: «Остановись, приятель, ей всего пятнадцать, и она дочь твоего командира».

– Он называл этот снимок семейной фотографией, – сказала Джоди. – Всегда.

Ричер снова кивнул:

– Именно поэтому. У нас с ним всегда так было.

Джоди долго смотрела на снимок со странным выражением на лице.

– А еще секретарша, – напомнил ей Ричер. – Они спросили ее, кто клиент, и она наверняка им сказала. Но даже если и не сказала, они все равно узнают. Мне потребовалось тридцать секунд и один телефонный звонок. Так что теперь они придут к тебе, чтобы спросить, кто за всем этим стоит.

У нее сделался удивленный вид, и она положила фотографию на стол.

– Но я ничего не знаю.

– Ты думаешь, они тебе поверят?

Она едва заметно кивнула и посмотрела на окно.

– Хорошо, и что я должна делать?

– Убраться отсюда, – сказал он. – Это точно. Здесь слишком тихо и слишком уединенно.

У тебя есть квартира в городе?

– Конечно, на Нижнем Бродвее, – ответила она.

– А машина есть?

– В гараже. Но я собиралась здесь переночевать. Мне нужно найти завещание, разобраться с бумагами, все закрыть. Я хотела уехать завтра рано утром.

– Сделай все сейчас, как можно быстрее, и уезжай. Я не шучу, Джоди. Я не знаю, кто эти люди, но они настроены серьезно.

Видимо, его лицо сказало ей больше, чем слова. Она кивнула и встала.

– Хорошо. Письменный стол. Ты можешь мне помочь.

От университетской службы подготовки офицеров резерва до демобилизации по состоянию здоровья – Леон Гарбер отдал военной службе почти пятьдесят лет жизни. И все они просматривались на его рабочем столе. В верхних ящиках лежали ручки, карандаши и линейки, сложенные аккуратными рядами. В нижних ящиках на специальных стержнях висели папки. На каждой папке имелась наклейка с четкой надписью. Налоги, телефон, электричество, отопление, работа в саду, паспорта на приборы. Одна из папок была подписана другим цветом и явно позже остальных: «Последняя воля и завещание». Джоди пролиستала папки, а потом достала их из ящика. Ричер нашел в кладовке старый кожаный чемодан, и они сложили все туда. Захлопнули крышку и закрыли замки. Ричер взял со стола старую фотографию и еще раз на нее посмотрел.

– Тебя это раздражало? – спросил он. – То, что он относился ко мне как к члену семьи?

Джоди остановилась в дверях и кивнула.

– Безумно раздражало, – сказала она. – И как-нибудь я скажу тебе почему.

Он взглянул на нее, но она отвернулась и скрылась в коридоре.

– Я соберу свои вещи, – крикнула она. – Пять минут, ладно?

Ричер подошел к книжной полке и прикрепил старую фотографию на место. Затем выключил свет и вышел с чемоданом из комнаты. Остановился в тихом коридоре и стал оглядываться по сторонам. Очень хороший дом, в котором, наверное, приятно жить. На каком-то этапе своей истории дом увеличивался в размерах. Это было очевидно. К нескольким основным комнатам, расположенным вполне логично с точки зрения планировки, впоследствии были пристроены еще комнаты, в которые можно было попасть из темного коридора, где он сейчас стоял. Ричер прошел в гостиную. Ее окна выходили во двор и на реку, а если встать у камина, можно было под определенным углом увидеть строения Уэст-Пойнта. В застоявшемся воздухе пахло старой мастикой для мебели. Обставлена комната была просто и, похоже,

давно. Спокойного цвета деревянные полы, кремовые стены, тяжелая мебель. Старый телевизор, видеомэгнофона нет. Книги, картины, снова фотографии. Никаких гарнитуров, ничто ни с чем не сочетается. Милое, уютное место, в котором жили.

Гарбер, видимо, купил дом тридцать лет назад, когда мать Джоди забеременела. Это было обычным делом. Женатые офицеры часто покупали дома возле своей первой базы или возле какого-то места, которое, как им казалось, будет играть важную роль в их жизни, например Уэст-Пойнт. Они покупали дом, и он, как правило, пустовал, пока они служили за границей. Но им хотелось иметь что-то вроде якоря, места, куда они вернуться, когда все закончится. Или где смогут жить их семьи, если назначение за границу не позволит взять их с собой. Или когда потребуется учить детей.

Родители Ричера не пошли этой дорогой, и Ричер никогда не жил в собственном доме. Мрачные военные бунгалы и армейские бараки, а позже дешевые мотели – вот где он жил. И был уверен, что ничего другого ему и не нужно. Он был совершенно уверен, что не хочет жить в своем доме. Это желание давно прошло. Его пугали связанные с этим трудности, они казались ему физически ощутимым грузом наподобие чемодана, который он держал в руке. Счета, налоги на собственность, страховки, договоры, ремонт, содержание дома, принятие решений (новая крыша или новая плита, ковры или дорожки), бюджет. Работа в саду. Ричер шагнул к окну и посмотрел на лужайку. Работа в саду представлялась ему самым бесполезным занятием. Сначала ты тратишь кучу времени и денег, чтобы трава росла, а потом, почти сразу же, тратишь столько же денег и времени, подстригая ее. Ты проклинаешь несчастную траву за то, что она слишком выросла, потом волнуешься, почему она такая короткая, все лето поливаешь ее дорогой водой, а осенью – дорогими химикатами.

Настоящее безумие. Но если бы какой-то дом и заставил его передумать, так это дом Гарбера. Он был простым и совсем нетребовательным и выглядел так, словно процветал от милосердного небрежения. Ричер вполне мог представить себе, как он здесь живет. Да и вид из окон открывался великолепный. Мимо катила воды широкая река Гудзон, могучая и уверенная в собственных силах. Старая река будет вечно течь по своим делам, и ей все равно, что люди делают с домами и садами, которые выстроились вдоль ее берегов.

– Ну все, кажется, я готова, – сказала Джоди.

Она появилась в дверях гостиной, держа в руках кожаную сумку для одежды. Черный траурный костюм она сменила на выцветшие джинсы и светло-голубую трикотажную рубашку с маленьким логотипом, который Ричер не смог разобрать. Джоди причесалась, отчего волосы наэлектризовались и не желали хорошо лежать. Она пригладила их рукой и заправила непокорные пряди за ухо. Светло-голубая рубашка гармонировала с ее глазами и кожей нежного медового оттенка. Прошедшие пятнадцать лет не сделали ее менее красивой.

Они прошли через кухню и заперли на задвижку дверь, ведущую в сад. Затем выключили все приборы и закрыли краны. Вернулись в прихожую и открыли переднюю дверь.

Глава 5

Ричер вышел из двери первым, и тому было несколько причин. При обычных обстоятельствах он бы пропустил Джоди вперед, потому что его поколение еще сохранило остатки хороших американских манер, но он взял за привычку не демонстрировать их до тех пор, пока не станет ясно, как к этому отнесется его спутница. Кроме того, он находился в ее доме, а не в своем, что в корне меняло ситуацию, ведь ей придется запирать дверь. Короче говоря, он первым шагнул на крыльцо, и два головореза, которые там прятались, увидели его первым.

«Прикончите парня и привезите ко мне миссис Джейкоб», – сказал им Хоби. Тот из них, что устроился слева, приготовился стрелять из сидячего положения. Он был напряжен и готов к действию, поэтому его мозгу потребовалось меньше секунды, чтобы обработать информацию, поступившую от оптического нерва. Он почувствовал, что открылась передняя дверь, увидел, что экран сдвинулся в сторону, увидел, как кто-то шагнул на крыльцо, увидел, что это крупный парень из бара, и выстрелил.

Его напарник оказался в невыгодном положении. Экран двери открылся прямо ему в лицо. Сам по себе экран не был препятствием – тонкая нейлоновая сетка, предназначенная для защиты от насекомых, не остановит пули, – но этот парень был правой, и рама экрана двигалась прямо на пистолет, из которого он приготовился стрелять. Он на мгновение замешкался, затем вскочил и бросился вперед, чтобы обогнуть экран. Он схватил его левой рукой, прижал к себе и выставил из-за него правую руку.

Ричер действовал инстинктивно и подсознательно. Ему было почти тридцать девять лет, его память охватывала примерно тридцать пять из них, вплоть до неясных обрывочных детских воспоминаний, и была наполнена почти исключительно моментами военной службы – его отца, друзей отца, его собственной и его друзей. Ричеру не довелось узнать, что такое постоянство, он ни разу не доучился ни в одной школе до конца года, не работал с девяти до пяти с понедельника по пятницу, никогда не полагался ни на что, кроме непредсказуемости и элемента неожиданности. Часть его мозга была развита в нарушение всех законов пропорции, совсем как слишком сильно тренированная мышца, и потому его несколько не удивило, что, выйдя на крыльцо в тихом нью-йоркском пригороде, он увидел двух мужчин, с которыми совсем недавно встречался за две тысячи миль отсюда, в Ки-Уэсте, и что эти мужчины наставили на него пистолеты. Он не испытал ни потрясения, ни удивления, ни колебаний, ни парализующего страха, ни паники. Ричер не колебался ни единого мгновения. Он тут же отреагировал на чисто механическую проблему, представшую перед ним в виде геометрической задачи, в условия которой входят время, пространство, углы, пули и человеческая плоть.

В левой руке у него был тяжелый чемодан, который он выставил вперед, когда переступал через порог. Ричер сделал одновременно две вещи.левой рукой продолжил движение чемодана вперед, а правой взмахнул назад и ударил Джоди в грудь, толкая ее обратно в прихожую. Она сделала шаг назад, и в этот момент движущийся чемодан поймал первую пулю. Ричер почувствовал, как он дернулся у него в руке, и толкнул чемодан еще дальше, вытянувшись над крыльцом, словно нерешительный пловец над бассейном с холодной водой. Чемодан угодил прямо в лицо левому головорезу, который в этот момент начал подниматься на ноги и находился в неустойчивом положении. От удара он перекувырнулся назад и свалился с крыльца.

Впрочем, Ричер не видел, как он упал, потому что его глаза были прикованы ко второму противнику, который выскочил из-за экрана и приготовился стрелять. Ричер воспользовался инерцией движения чемодана и бросился вперед. Он ослабил хватку на ручке чемодана и послал его в полет над крыльцом, придав ему дополнительное ускорение правой рукой. Пистолет развернулся и плашмя ударил его в грудь. Ричер услышал выстрел и почувствовал, как ему

обожгло кожу. Пуля ушла в сторону под его поднятой левой рукой и попала в стенку гаража в тот момент, когда он правой ударил своего врага в лицо.

Локоть, движущийся на огромной скорости перед телом весом в двести пятьдесят фунтов, может причинить неприятелю серьезный урон. Он скользнул по раме экрана и угодил парню в подбородок. Ударная волна беспрепятственно прошла через челюсть внутрь головы и врезала по мозгам. Парень повалился на спину, и Ричер понял, что он на некоторое время вышел из игры. Затем со скрипом захлопнулся экран двери, и Ричер увидел, что тип, прятаящийся слева, бочком подбирается к своему пистолету, который откатился в сторону. Джоди стояла в дверях, согнувшись и прижимая руки к груди, и пыталась отдышаться. Старый чемодан покотился на лужайку перед домом.

Сейчас главной проблемой Ричера была Джоди. Его отделяло от нее около восьми футов, но между ними находился противник. Если он доберется до пистолета и повернет его вправо, то сможет в нее выстрелить. Ричер отпихнул в сторону второго головореза, все еще не пришедшего в сознание, и метнулся к двери. Оттолкнул в сторону экран и ввалился внутрь. Затем он затащил Джоди примерно на ярд в прихожую и захлопнул входную дверь. Она трижды содрогнулась от выстрелов, и воздух наполнился пылью и кусочками дерева. Ричер защелкнул замок и потащил Джоди на кухню.

– Мы можем добраться до гаража?

– Через крытый проход, – ответила Джоди.

Стоял июнь, вторые рамы были сняты, и проход представлял собой широкий коридор с тонкими экранами от пола до потолка. Тип, что прятался слева, стрелял из девятимиллиметровой «беретты», у которой в магазине пятнадцать патронов. Он использовал четыре: один попал в чемодан, три других – в дверь. Осталось одиннадцать. Не слишком приятная мысль, когда тебя отделяет от него всего лишь тонкая нейлоновая сетка.

– Ключи от машины?

Джоди достала ключи из сумки. Ричер взял их и зажал в кулаке. Сквозь застекленную кухонную дверь был виден проход с такой же дверью в противоположном конце, которая вела в гараж.

– Та дверь заперта?

Джоди кивнула.

– Зеленый. От гаража, – с трудом переводя дух, сказала она.

Ричер посмотрел на связку ключей и увидел старый ключ от автоматического замка, помеченный зеленой краской. Он осторожно открыл кухонную дверь, опустился на колени и высунул голову ниже, чем мог ожидать неприятель. Никого. Тогда он выбрал зеленый ключ и выставил его перед собой, словно крошечную пику. Вскочил на ноги и бросился вперед. Проверил, все ли в порядке, вставил ключ в замок, повернул и тут же вытащил. Распахнул дверь и помахал Джоди рукой, чтобы она последовала за ним. Она влетела в гараж, и он тут же захлопнул за ней дверь. Запер ее и прислушался. Тихо.

Гараж оказался большим темным помещением с открытыми стропилами и каркасом, здесь пахло старым машинным маслом и креозотом и было полно вещей, которые принято складывать в гараже: косилки, шланги, плетеные кресла, но все старое, принадлежавшее человеку, который лет двадцать назад перестал покупать новые инструменты и приспособления. Так что дверь открывалась вручную при помощи специальных роликов. Никаких механизмов или электрических приводов. Пол был цементный, старый и тщательно подметенный. Машина Джоди, новый «олдсмобиль-бравата», темно-зеленый с золотыми деталями отделки кузова, стоял носом к дальней стене. Таблички на багажнике хвастливо сообщали, что у него привод на четыре колеса и шестицилиндровый V-образный двигатель. Четыре колеса – это хорошо, а вот от того, какую скорость развивает двигатель, зависело многое.

– Забирайся назад и ложись на пол, – прошептал Ричер. – Поняла?

Джоди забралась внутрь головой вперед и легла на пол. Ричер прошел по гаражу и нашел ключ от двери гаража. Открыл ее и выглянул наружу, прислушиваясь. Никакого движения и звуков. Тогда он вернулся к машине, вставил ключ и включил зажигание, так чтобы двигатель мог заработать на полную мощность.

– Я сейчас вернусь, – прошептал он.

Гарбер держал свои инструменты в таком же идеальном порядке, как и письменный стол, и Ричер обнаружил стойку восемь на четыре с полным набором всего необходимого для дома. Он выбрал тяжелый плотницкий молоток, вышел во двор и изо всех сил швырнул его в сторону дома, целясь в кусты, растущие перед ним. Он досчитал до пяти, давая возможность неприятелю услышать грохот, среагировать и броситься к нему из своего укрытия. Затем нырнул внутрь гаража, к машине. Постоял около открытой двери, вытянул руку и повернул ключ в зажигании. Двигатель сразу завелся. Ричер метнулся назад, быстро поднял гаражную дверь, бросился на водительское сиденье и нажал на педаль. Все четыре колеса громко взвыли, и машина задом вылетела из гаража. Довольно далеко слева от себя, на лужайке, Ричер успел заметить типа с «береттой», который медленно разворачивался в их сторону. Ричер выскочил на подъездную дорожку и задом выехал на дорогу. Затем ударил по тормозам, резко крутанул руль и скрылся в облаках синего дыма.

Он мчался вперед на огромной скорости примерно пятьдесят ярдов, затем притормозил и остановился около подъездной дороги соседнего дома. Снова развернулся и въехал задом в густые заросли кустов. Выпрямился и выключил двигатель. У него за спиной поднялась с пола Джоди.

– Что, черт подери, мы здесь делаем? – спросила она.

– Ждем.

– Чего?

– Когда они уберутся.

Она фыркнула то ли от удивления, то ли от возмущения.

– Мы не будем ждать, Ричер, мы немедленно едем в полицию.

Ричер снова вставил ключ в зажигание, чтобы открыть окно, и опустил стекло, прислушиваясь к доносящимся снаружи звукам.

– Я не могу пойти в полицию, – сказал он, не глядя на нее.

– Это еще почему?

– Потому что меня свяжут с Костелло.

– Ты не убивал Костелло.

– И ты думаешь, что мне с готовностью поверят?

– Им придется поверить, потому что не ты его убил. Все очень просто.

– Может так получиться, что полиции потребуется время, чтобы найти лучшего кандидата.

Джоди немного помолчала.

– И что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что я должен держаться подальше от полиции.

В зеркало он видел, как она тряхнула головой.

– Нет, Ричер, нам необходима полиция.

Он посмотрел ей в глаза, вернее, в их отражение в зеркале.

– Ты помнишь, что говорил в таких случаях Леон? Он говорил: «Проклятье, я и есть полиция».

– Да, он был полицейским. И ты был. Давно.

– Ну, не так давно для нас обоих.

Она замолчала. Пересела вперед. Повернулась к нему.

– Ты просто не хочешь обращаться в полицию, так ведь? Дело вовсе не в том, что ты не можешь. Ты не хочешь, черт тебя подери.

Ричер слегка повернулся на своем сиденье, чтобы взглянуть на нее, и увидел, что она смотрит на обожженное место на его рубашке. Черное пятно в форме удлинённой капли, словно татуировка, сделанная порошком на ткани. Ричер расстегнул пуговицы и распахнул рубашку. Прищурившись, посмотрел вниз: та же длинная капля украшала его кожу, волосы на груди обгорели и скрутились. Он облизнул палец, приложил его к наливающемуся ожогу и поморщился.

– Они со мной связались, значит они мне ответят.

Джоди несколько мгновений молча смотрела на него.

– Знаешь, в это невозможно поверить. Ты ничем не лучше моего отца. Одна компания. Мы должны обратиться в полицию, Ричер.

– Я не могу, – ответил он. – Меня посадят в тюрьму.

– Мы должны, – повторила она, но уже без прежней убежденности.

Ричер покачал головой и ничего не сказал. Только молча смотрел на нее. Она была адвокатом, но также и дочерью Леона, и она знала, как устроен мир. Джоди довольно долго ничего не говорила, затем беспомощно пожала плечами и положила руку себе на грудь, осторожно, как будто ей было больно.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Ты меня сильно толкнул, – ответила она.

«Я мог бы помочь тебе растереть это место», – подумал он.

– Кто эти люди? – спросила Джоди.

– Они убили Костелло.

Она кивнула, потом вздохнула и огляделась по сторонам.

– Так куда же мы поедем?

Ричер расслабился и улыбнулся:

– Знаешь место, где они ни за что не станут нас искать?

Джоди пожала плечами, убрала от груди руку и пригладила волосы.

– На Манхэттене, – сказала она.

– В доме, – огорошил ее Ричер. – Они видели, как мы уехали, и им не придет в голову, что мы можем вернуться.

– Ты знаешь, что ты сумасшедший?

– Нам нужен чемодан. Возможно, Леон оставил какие-то записи.

Джоди только тряхнула головой в ответ.

– Кроме того, дом нужно снова запереть. Нельзя же оставлять гараж открытым. Кончится тем, что там поселится стая енотов. Нет, несколько семейств с выводком детенышей.

В следующее мгновение он поднял руку и приложил палец к губам. Они услышали шум мощного двигателя где-то в ста ярдах от них. Завизжали большие колеса на подъездной дороге, машина набрала скорость, и мимо них пронеслась черная тень. Большой черный джип, хромированные колеса. «Юкон» или «тахо», в зависимости от того, что написано на багажнике – «Джи-эм-си»⁶ или «Шевроле». Внутри два человека в темных костюмах, один за рулем, другой бессильно откинулся на сиденье. Ричер высунулся из окна и прислушивался к шуму двигателя, пока он не стих в направлении города.

Честер Стоун ждал в своем офисе больше часа, затем позвонил вниз и попросил финансового директора связаться с банком и проверить их операционный счет. Тот сообщил ему, что

⁶ Отделение корпорации «Дженерал моторс», выпускающее грузовики, пикапы, джипы и минивэны.

им перевели один миллион сто тысяч долларов из офиса на Каймановых островах, который принадлежал одному из Багамских трастовых фондов.

– Деньги поступили, – сказал финансовый директор. – У тебя получилось, шеф.

Стоун вцепился в телефонную трубку, спрашивая себя, что на самом деле у него получилось.

– Я спускаюсь, – сказал он. – Хочу посмотреть на цифры.

– Не волнуйся, цифры просто отличные, – заявил финансовый директор.

– Я все равно спускаюсь, – сказал Стоун.

Он спустился на лифте на два этажа и вошел в шикарный кабинет финансового директора. Ввел пароль в компьютер, и на экране появились секретные таблицы. Затем за дело взялся финансовый директор и впечатал в операционный счет новую сумму. Компьютер произвел подсчет и выдал результат, который ждал их через шесть недель.

– Видишь? – спросил финансовый директор. – В самый раз!

– А как насчет выплаты процентов? – спросил Стоун.

– Одиннадцать тысяч в неделю, шесть недель? Многовато, тебе не кажется?

– Мы сможем их выплатить?

Финансовый директор уверенно кивнул:

– Конечно сможем. Мы должны двум поставщикам семьдесят три тысячи. У нас они есть. Если мы потеряем инвойсы и придется их переоформлять, у нас высвободятся наличные – на время.

Он постучал по монитору, показывая на обеспечение полученных инвойсов.

– Семьдесят три тысячи минус одиннадцать в неделю в течение шести недель, остается семь тысяч. Сможем пару раз сходить пообедать.

– Проверь еще раз, – попросил Стоун.

Финансовый директор молча посмотрел на него, но проверил свои расчеты. Ввел один миллион сто тысяч красным цветом, убрал обеспечение инвойсов, вычел одиннадцать тысяч по шесть раз и получил результат – семь тысяч долларов.

– Едва-едва, – сказал он. – Но в нашу пользу.

– А как мы отдадим основной долг? – спросил Стоун. – В конце шести недель нам потребуется один миллион сто тысяч долларов.

– Никаких проблем, – ответил финансовый директор. – Я все рассчитал. У нас будут деньги, причем вовремя.

– Покажи мне, ладно?

– Пожалуйста, смотри. – Он показал на другую строчку на экране, где значились платежи, которые они должны были получить от своих клиентов. – Эти два оптовика должны нам один миллион сто семьдесят три тысячи, ровно то, что нам нужно, плюс убытки от инвойсов, как раз через шесть недель.

– А они заплатят вовремя?

Финансовый директор пожал плечами:

– До сих пор платили.

Стоун смотрел на экран, его глаза перебежали со строчки на строчку, вверх и вниз, справа налево.

– Проверь еще раз.

– Не волнуйся, шеф. Все в порядке.

– Проверь.

Финансовый директор кивнул. В конце концов, компания принадлежала Стоуну. Он снова все проверил, все расчеты от начала и до самого конца, и результат получился таким же. Один миллион сто тысяч долларов, полученных от Хоби, исчезали по мере погашения счетов, два поставщика ничего не получали, потом поступал платеж от оптовиков, они возвращали

Хоби его деньги, производили расчет с поставщиками и оставались с теми же семью тысячами в плюсе.

– Не волнуйся, все получится, – снова сказал финансовый директор.

Стоун смотрел на экран и думал о том, хватит ли этих семи тысяч, чтобы купить Мэрилин поездку в Европу. Скорее всего, нет. По крайней мере, на шесть недель этого недостаточно. И она начнет волноваться. Испугается. Станет спрашивать, почему он заставляет ее уехать. Ему придется сказать ей правду. Мэрилин достаточно умна, чтобы тем или иным способом заставить его расколоться. А потом она откажется ехать в Европу, и все закончится тем, что следующие шесть недель она тоже будет лежать без сна по ночам.

Чемодан по-прежнему валялся на лужайке перед домом. Только теперь на боку у него с одной стороны красовалась дырка от пули. Значит, пуля прошла сквозь кожу и жесткий каркас из фанеры и застряла в бумагах. Ричер улыбнулся и отнес его в гараж к Джоди.

Они оставили машину на заасфальтированной площадке и прошли сюда тем же путем, каким уехали. Закрыли дверь в гараж, осторожно приблизились к проходу на кухню. Заперли зеленым ключом внутреннюю дверь, миновали кухню. Закрыли на замок и эту дверь, обошли сумку с вещами Джоди, брошенную в прихожей, и направились с чемоданом в гостиную. Здесь было больше места и света, чем в кабинете Гарбера.

Ричер открыл чемодан и выложил на пол папки. Вместе с ними выпала пуля и покатилась по ковру. Стандартная девятимиллиметровая для парабеллума, в медной оболочке. Слегка приплюснутая спереди от столкновения со старой фанерой, но в остальном целая. Бумага замедлила ее полет, заставив остановиться в пространстве размером в восемнадцать дюймов. Ричер видел отверстие, которое она проделала в половине папок. Он взвесил пулю на ладони и тут увидел, что Джоди стоит около двери и наблюдает за ним. Он бросил ей пулю, и она поймала ее одной рукой.

– Сувенир на память, – сказал он.

Джоди швырнула пулю в камин, словно та была раскаленной и обожгла ей руку, затем опустилась рядом с Ричером на колени перед кучей бумаг, которые он вынул из чемодана. Ричер уловил запах ее духов, незнакомый запах, но очень тонкий и женственный. Беспорочная голубая рубашка была ей великовата, но каким-то непостижимым образом подчеркивала фигуру. Рукава доходили почти до пальцев. Джинсы, затянутые на тонкой талии ремнем, намекали на стройность ног. Джоди казалась хрупкой, но Ричер помнил, какие у нее сильные руки. Худощавая, но выносливая. Джоди наклонилась, чтобы взглянуть на папки, волосы упали на лицо, и он уловил тот легкий аромат, который, как оказалось, помнил все прошедшие пятнадцать лет.

– А что мы ищем? – спросила она.

– Думаю, узнаем, когда найдем, – пожал плечами, ответил он.

Они очень старательно искали, но безрезультатно. В бумагах ничего не было. Никаких указаний на последние дела, ничего важного. Всего лишь куча самых обычных документов, которые неожиданно стали казаться старыми и жалкими, пустым отражением жизни, подошедшей к концу. Самым свежим было завещание, лежавшее в отдельной папке и запечатанное в конверт с аккуратной надписью. Аккуратной, но сделанной дрожащей рукой человека, только что вернувшегося из больницы после первого сердечного приступа. Джоди взяла его и вышла в прихожую, чтобы положить в карман дорожной сумки.

– Есть какие-нибудь неоплаченные счета? – крикнула она из прихожей.

Ричер нашел папку с надписью «Срочно», но она оказалась пустой.

– Ничего такого не вижу, – крикнул он в ответ. – Но, думаю, пара счетов еще придет, так ведь? Они приходят ежемесячно?

Джоди посмотрела на него от двери и улыбнулась.

– Да, – сказала она. – Каждый месяц.

Ричер обнаружил папку с надписью «Медицина», распухшую от оплаченных счетов из госпиталя и клиники, и кучу писем от страховой компании.

– Господи, неужели это столько стоит? – удивленно сказал он, перебирая счета.

Джоди вернулась и наклонилась посмотреть.

– Конечно, – сказала она. – А у тебя есть страховка?

Он тупо на нее уставился.

– Думаю, Министерство по делам ветеранов могло оформить на меня страховку, по крайней мере на какой-то период.

– Ты должен проверить, чтобы знать наверняка.

Ричер пожал плечами:

– Я нормально себя чувствую.

– Папа тоже нормально себя чувствовал, – отрезала Джоди. – В течение шестидесяти трех с половиной лет.

Она снова опустилась рядом с ним на колени. Ричер увидел, как у нее на глазах появились слезы, и взял ее за руку.

– Тяжелый выдался день, верно? – сказал он.

Она кивнула и сморгнула слезы. А потом грустно улыбнулась:

– Невероятно тяжелый. Я похоронила своего старика, в меня стреляла пара убийц, я нарушила закон, не сообщив в полицию о таком количестве преступлений, что и не сосчитать, и добровольно связалась с диким типом, который собирается выполнить сделку, заключенную моим отцом при жизни. Знаешь, что сказал бы мне папа?

– Что?

Она поджала губы и заговорила низким голосом, очень похожим на добродушное ворчание Гарбера:

– «И все за один день, девочка, за один денек». Вот что он сказал бы.

Ричер ухмыльнулся в ответ и снова сжал ее руку. Затем пролистал медицинские документы и выбрал фирменный бланк клиники.

– Поищем клинику, – сказал он.

Пассажиры «тахо» яростно обсуждали, имеет ли смысл возвращаться. Слово «неудача» было не самым популярным в словаре Хоби. Возможно, им стоило пуститься в бега и исчезнуть. Просто взять и исчезнуть. Очень соблазнительная перспектива. Впрочем, они не сомневались, что Хоби их все равно найдет. Возможно, не сразу, но обязательно найдет. А вот эта перспектива их совсем не привлекала.

Поэтому они решили обсудить ситуацию. Впрочем, они знали, как следует поступить. Они сделали несколько остановок и провели разумное количество времени в придорожном кафе. Так что к тому моменту, когда они, справившись с проблемами движения, въехали на южную окраину Манхэттена, у них была готова вполне достоверная история.

– Мы столкнулись с серьезной проблемой, – сказал первый. – Прождали несколько часов и поэтому вернулись так поздно. А проблема заключалась в том, что там оказалась целая куча военных, какая-то церемония, и все они были вооружены.

– Сколько? – спросил Хоби.

– Военных? – спросил второй. – По меньшей мере дюжина. Может быть, пятнадцать. Они постоянно перемещались, и сосчитать точно мы не смогли. Какой-то почетный караул.

– Она уехала с ними, – сообщил первый. – Судя по всему, они сопровождали ее от кладбища, а потом она отправилась с ними в какое-то другое место.

– Вам не пришло в голову последовать за ними?

– Мы не могли, – сказал второй. – Они ехали очень медленно, выстроившись длинным строем. Как в похоронной процессии. Они бы нас сразу заметили. Не могли же мы взять и пристроиться в хвосте похоронной процессии.

– А тот парень из Ки-Уэста?

– Он убрался раньше остальных, и мы не стали его трогать. Мы следили за миссис Джейкоб. К тому моменту мы ее уже вычислили. Сначала она была в доме, а потом уехала в окружении военных.

– И что вы сделали?

– Проверили дом, – сказал первый. – Он был намертво закрыт. Тогда мы поехали в город и выяснили, кому он принадлежит. В публичной библиотеке все есть. Дом записан на некоего Леона Гарбера. Мы спросили у библиотекаря, что она о нем знает, и она дала нам местную газету. На третьей странице имеется статья, посвященная ему. Он только что умер от сердечной болезни. Вдовец, единственным живым родственником является дочь Джоди, бывшая миссис Джейкоб, молодой, но очень талантливый финансовый адвокат, работает в «Спенсер, Гутман, Риккер и Талбот» на Уолл-стрит и живет на Нижнем Бродвее здесь, в Нью-Йорке.

Хоби едва заметно кивнул и принялся постукивать острым концом крюка по столу.

– И кто такой этот Леон Гарбер? С какой стати почетный караул и все такое?

– Военная полиция, – сказал первый.

Второй кивнул:

– Вышел в отставку с тремя звездами и таким количеством медалей, что и не сосчитать. Сорок лет на службе. Корея, Вьетнам и так далее.

Хоби перестал стучать по столу крюком и замер. Кровь отхлынула от его лица, и он смертельно побледнел, только в тусклом свете ярким пятном выделялись розовые шрамы.

– Военная полиция, – еле слышно повторил он.

Хоби долго сидел молча, уставившись в пространство, затем поднял крюк и принялся медленно вертеть его перед глазами, разглядывая, подставляя под тонкие лучи света, отражавшиеся от изгибов и поверхностей. Крюк дрожал, и Хоби схватил его левой рукой.

– Военная полиция, – снова проговорил он, не сводя глаз с крюка.

Затем перевел взгляд на двух мужчин, сидевших на диване.

– Выйди, – сказал он второму.

Тот бросил мимолетный взгляд на своего партнера, вышел и аккуратно закрыл за собой дверь. Хоби отодвинулся от стола и встал. Обошел стол и остановился за спиной первого, который сидел на диване, боясь пошевелиться и оглянуться на своего шефа.

Агент носил рубашки с воротниками шестнадцатого размера, то есть его шея в диаметре была чуть больше пяти дюймов, если считать, что человеческая шея – это своего рода цилиндр, – Хоби всегда с удовольствием представлял подобные вещи. Его крюк, простой стальной крючок в форме буквы J, был довольно внушительных размеров. Хоби резко выбросил крюк вперед и захватил воротник рубашки сидевшего на диване мужчины. Затем сделал шаг назад и изо всех сил потянул. Мужчина дернулся вверх и назад, отчаянно цепляясь пальцами за холодный металл, чтобы хоть чуть-чуть ослабить давление. Хоби улыбнулся и потянул сильнее. Крюк крепился к тяжелой кожаной чашке и чехлу такой же формы, чашка прикрывала остатки предплечья, а чехол плотно пристегивался к бицепсу над локтем. Чашка являлась стабилизатором, а верхний чехол, меньшего размера, чем локтевой сустав, принимал на себя всю нагрузку и удерживал крюк на обрубке. Хоби тянул на себя до тех пор, пока несчастный не начал задыхаться и синеть. Затем он немного ослабил хватку и наклонился к уху своего агента.

– У него на лице большой синяк. Откуда?

Несчастный тяжело дышал и размахивал руками. Хоби повернул крюк, ослабив давление на голосовые связки, но при этом наставил острый кончик в самое уязвимое место под ухом.

– Что там произошло? – спросил он.

Его агент понимал: крюк находится под таким углом, что любое, даже едва уловимое движение назад приведет к тому, что крюк разорвет кожу и вонзится в уязвимый треугольник под челюстью. Он не слишком разбирался в анатомии, но знал, что от смерти его отделяет всего дюйм.

– Я вам расскажу, – прохрипел он. – Я все расскажу.

Хоби продолжал держать крюк у него под ухом, слегка нажимая на него всякий раз, когда его жертва замолкала, так что вся история от начала до конца заняла примерно три минуты.

– Вы меня подвели, – сказал Хоби.

– Да, подвели, – выдохнул агент. – Но это его вина. Он застрял за дверью с экраном. Он оказался бесполезным.

Хоби надавил на крюк.

– Это в каком смысле? Вроде того, что он бесполезный, а ты очень даже полезный?

– Это он во всем виноват, – снова прохрипел агент. – А я очень полезный.

– Тебе придется это доказать.

– Как? – с трудом произнес агент. – Умоляю вас, скажите: как? Скажите же мне.

– Очень просто. Ты можешь кое-что для меня сделать.

– Да, конечно, все, что угодно, – не унимался агент.

– Привези ко мне миссис Джейкоб, – заорал Хоби.

– Да, – выкрикнул в ответ агент.

– И постарайся больше не испортить все дело, – завопил Хоби.

– Ни за что, мы никогда, я обещаю, – проверещал агент.

Хоби два раза надавил на крюк в такт своим словам.

– Не «мы». Только ты. Потому что ты можешь сделать для меня кое-что еще.

– Что? – прохрипел агент. – Я готов на все.

– Избавься от своего бесполезного партнера, – прошептал Хоби. – Сегодня, на яхте.

Его агент принялся рьяно кивать, насколько позволял ему крюк. Хоби наклонился вперед и убрал крюк. Агент повалился на бок, и его вырвало прямо на диван.

– И принеси мне его правую руку, – снова прошептал Хоби. – В качестве доказательства.

Они выяснили, что клиника, которую посещал Леон, была не отдельной самостоятельной больницей, а административной единицей, входящей в состав гигантского частного больничного комплекса, который обслуживал округ Патнам. В огромном парке стояло десятиэтажное белое здание, а вокруг него расположились всевозможные медицинские учреждения. Узкие извилистые дорожки вели по обустроенной со вкусом территории в маленькие тупички, где находились кабинеты врачей и дантистов. Если доктор не мог справиться с проблемой в своем кабинете, он отправлял пациента в главный корпус, в больницу, и занимался им там. Таким образом, кардиологическая клиника представляла собой довольно солидное заведение, в котором постоянно менялся контингент врачей и больных в зависимости от того, кто болен и насколько серьезно. Из бумаг Леона было ясно, что им занимались в нескольких местах: сначала в отделении интенсивной терапии, затем в послеоперационной палате, потом амбулаторно и снова в интенсивной терапии, когда он пришел сюда в последний раз.

Единственной постоянной величиной было имя лечащего врача, некоего доктора Макбаннермана, которого Ричер представлял себе добродушным седовласым стариком, опытным, знающим и сочувствующим, возможно, с шотландскими корнями, пока Джоди не сказала ему, что встречалась с врачом несколько раз, что *она* из Балтимора и ей тридцать пять лет. Ричер вел машину Джоди по маленьким извиляющимся дорожкам, а она поглядывала по сторонам в поисках нужного кабинета. В конце концов Джоди узнала низкое кирпичное строение, белое и очень аккуратное. Казалось, оно испускает антисептическое сияние, как и все медицинские

заведения в мире. Снаружи стояло около полудюжины машин, и Ричер заехал задом на единственное пустовавшее место.

В приемной их встретила пожилая полная женщина, которая с сочувствием поздоровалась с Джоди. Она предложила им подождать во внутреннем кабинете доктора, за что они заслужили мрачные взгляды других пациентов. Здесь было тихо, стерильно и безлико, стоял обычный стол для осмотра пациентов, а на стене за столом висело большое изображение человеческого сердца в разрезе. Джоди смотрела на него с таким видом, словно задавала себе вопрос: «И какая же его часть в конце концов не выдержала?» Неожиданно Ричер почувствовал, как ровно бьется у него в груди его собственное сердце, огромное и сильное, как оно качает кровь и она пульсирует в запястьях и на шее.

Они прождали десять минут, затем внутренняя дверь открылась, и вошла доктор Макбаннерман, темноволосая, неприметная женщина в белом халате, со стетоскопом, висящим на шее, словно офисный бейджик, и с беспокойством на лице.

– Джоди, – сказала она, – примите мои соболезнования.

На девяносто девять процентов ее сочувствие было искренним, но Ричер уловил в ее голосе легкую тревогу. «Она боится обвинения во врачебной ошибке», – подумал Ричер. Дочь пациента, адвокат, пришла к ней сразу после похорон. Джоди тоже все поняла и кивнула, пытаясь ее успокоить.

– Я пришла, чтобы вас поблагодарить. Вы все отлично делали, с самого начала и до самого конца. Лучше с этой задачей не справился бы никто.

Макбаннерман немного расслабилась, и один процент беспокойства исчез. Она улыбнулась, и Джоди снова посмотрела на большое изображение сердца.

– Так что же в результате отказало? – спросила она.

Макбаннерман проследила за ее взглядом и едва уловимо пожала плечами.

– На самом деле отказало все. Сердце – это большая сложная мышца, она сокращается тридцать миллионов раз в год. Если ей удастся выдержать двадцать семь миллиардов ударов, что равняется девяноста годам, мы называем это старостью. Если только восемнадцать миллиардов, то есть шестьдесят лет, мы говорим о ранней болезни сердца. И называем ее самой серьезной медицинской проблемой Америки, но на самом деле можем сказать только одно: рано или поздно сердце останавливается.

Она замолчала и посмотрела на Ричера. На мгновение ему показалось, что она увидела у него какие-то симптомы, но он тут же сообразил, что она ждет, чтобы его представили.

– Джек Ричер, – сказал он. – Я старый друг Леона.

Макбаннерман медленно кивнула, словно получила ответ на мучившую ее загадку.

– Знаменитый майор Ричер. Он много о вас говорил.

Она сидела и с откровенным интересом разглядывала Ричера. Изучила его лицо и перевела взгляд ниже, на грудь. То ли потому, что у нее такая профессия, то ли просто заметила ожог от выстрела.

– А он говорил еще о чем-нибудь? – спросила Джоди. – У меня сложилось впечатление, что его что-то беспокоило.

Макбаннерман повернулась к ней с озадаченным видом, словно хотела сказать: «Все мои пациенты обеспокоены, их беспокоит вопрос жизни и смерти».

– В каком смысле?

– Я не знаю точно, – ответила Джоди. – Может быть, кто-то из других пациентов втянул его в какое-то дело?

Доктор пожала плечами и уже собралась сказать, что ничего не знает, но тут вдруг вспомнила.

– Да, он кое-что говорил. Сказал, что у него появилось новое задание.

– А он сказал какое?

Макбаннерман покачала головой:

– Никаких деталей. Но я видела, что его это дело очень занимает и беспокоит. Сначала он не хотел о нем говорить. Ну, вроде как кто-то поставил перед ним простую и скучную задачу. Но позже очень заинтересовался и не мог скрыть беспокойства. Его кардиограммы стали значительно хуже, и мне это совсем не нравилось.

– Это дело было связано с кем-то из пациентов? – спросил Ричер.

– Не знаю. Но, думаю, это возможно. Они много времени проводят вместе в приемной. Разговаривают друг с другом. Пожилым людям часто бывает одиноко и скучно.

Ее слова прозвучали как выговор, и Джоди покраснела.

– А когда он впервые об этом заговорил? – быстро спросил Ричер.

– Кажется, в марте, – неуверенно ответила Макбаннерман. – Или, может, в апреле? Вскоре после того, как стал посещать нас амбулаторно. Незадолго до того, как отправился на Гавайи.

Джоди удивленно уставилась на нее:

– Он был на Гавайях? Я не знала.

Макбаннерман кивнула:

– Он пропустил очередной визит, и я спросила его, что случилось. Он ответил, что летал на несколько дней на Гавайи.

– Гавайи? Интересно, почему он туда отправился и ничего мне не сказал?

– Я не знаю, зачем он туда летал, – проговорила доктор.

– А состояние у него было приемлемое для такого путешествия? – спросил Ричер.

Доктор покачала головой:

– Нет, и я думаю, он понимал, что делает глупость. Может быть, именно по этой причине он ничего вам не сказал.

– Когда он перешел на амбулаторное лечение? – спросил Ричер.

– В начале марта, – ответила она.

– А на Гавайи когда летал?

– Думаю, в середине апреля.

– Хорошо, – сказал он. – Вы не могли бы дать нам список пациентов, посещавших вас в тот период? Март и апрель. Имена людей, с которыми он мог разговаривать.

Макбаннерман начала качать головой, не дослушав его до конца.

– Мне очень жаль, но я не могу. На самом деле не могу. Это конфиденциальная информация.

При этом она смотрела на Джоди, как бы взывая к ней: «Вы адвокат, а я врач, и мы обе женщины, вы же понимаете, какие у нас тут правила».

Джоди с сочувствием кивнула:

– Не могли бы вы просто спросить у регистратора? Ну, понимаете, вдруг она видела, как папа с кем-то разговаривал, когда ждал приема. Это будет всего лишь вопрос к третьей стороне, и никакого нарушения закона о конфиденциальности. Естественно, по моему мнению.

Макбаннерман не пришлось дважды указывать на лазейку, которой она тут же воспользовалась: нажала на кнопку интеркома и пригласила женщину-регистратора. Той задали интересовавший Ричера и Джоди вопрос, она принялась кивать и заговорила прежде, чем доктор замолчала:

– Да, конечно, мистер Гарбер постоянно разговаривал с симпатичной пожилой парой, ну, с тем мужчиной, у которого клапан в левом верхнем желудочке. Он больше не может водить машину, и его каждый раз привозит жена. У них такая ужасная старая машина, помните? Мистер Гарбер что-то для них делал, я в этом совершенно уверена. Они все время показывали ему старые фотографии и какие-то бумаги.

– Хоби? – спросила ее Макбаннерман.

– Точно, они вели себя как самые настоящие заговорщики, эти трое: мистер Гарбер, старик Хоби и его жена.

Глава 6

Крюк Хоби сидел один в своем личном кабинете на восемьдесят восьмом этаже, прислушиваясь к тихим звукам, пронизывающим огромное здание, обдумывая положение, меняя свое решение. Про него нельзя было сказать, что он негибкий человек. Он этим гордился. И восхищался тем, как умеет перекраивать свои планы, адаптироваться к ситуации, слушать и учиться. Он считал, что в этом его сила и уникальность.

Когда Хоби отправился во Вьетнам, он почти ничего не знал о своих способностях. Он вообще мало что знал, поскольку был молод. И не просто очень молод, а попал в армию из тихого пригорода, где просто невозможно приобрести какой бы то ни было опыт.

Вьетнам его изменил. Он мог его сломать. Он многих ломал. Крюк Хоби видел, как парни вокруг него разваливаются на части. Не только юноши вроде него, но и профессионалы, прослужившие в армии не один год. Вьетнам придавливал людей, и некоторые не выдерживали, но не все.

Хоби выдержал и не сломался. Он смотрел по сторонам, менялся и приспосабливался. Слушал и учился. Убивать было легко. До сих пор он не видел мертвецов, кроме разве что животных, попавших под машину, – бурундуков и кроликов да иногда вонючих скунсов, случайно оказавшихся на заросших дорожках около его дома. В свой первый день во Вьетнаме он увидел восемь трупов американцев. Это был патруль, буквально разорванный на куски минометным огнем. Восемь человек, двадцать девять кусков, некоторые очень большие. Момент, определивший его дальнейшую жизнь. Его товарищи затихли, кого-то тошнило, другие тихонько плакали, не в силах поверить своим глазам. Хоби это зрелище не тронуло.

Он начал с коммерческой деятельности. Всем что-то требовалось и чего-то не хватало. Все стонали и жаловались. Это было до абсурда легко. Прислушивайся к разговорам, и все. Один парень курит, но не пьет. Другой любит пиво, но не курит. Возьми у одного сигареты и обменяй на пиво, которое тебе даст другой. Получается типичная сделка. Маленький процент себе. Так просто и так очевидно, что Хоби не мог понять, почему они сами этого не делают. Он относился к своему предприятию не слишком серьезно, поскольку считал, что оно не может существовать долго, что они скоро сами сообразят, как нужно действовать, и им больше не понадобится посредник.

Но он ошибся. И это был первый урок, полученный им во Вьетнаме. Он может делать то, что не по силам другим. Он видит вещи, которых они не замечают. Он стал внимательнее прислушиваться. Чего еще они хотят? Очень многого. Девушки, еда, пенициллин, пластинки, служба в базовом лагере (кроме нарядов на уборку туалета). Сапоги, средство для отпугивания насекомых, хромированное оружие, высушенные уши трупов в качестве сувениров. Марихуана, аспирин, героин, чистые иглы, тепленькое местечко службы на последние сто дней похода. Он слушал, узнавал, искал и получал доход.

Потом Хоби совершил прорыв, концептуальный прыжок, которым страшно гордился. Он использовал эту же схему в своих дальнейших операциях. Она родилась в качестве ответа на несколько вставших перед ним проблем. Первая состояла в том, что добывать все необходимое было очень трудно и требовало невероятных усилий. Находить определенные вещи иногда оказывалось довольно сложно. Например, здоровых девушек, а девственниц и вовсе почти невозможно. Организация непрерывной доставки наркотиков была сопряжена с риском. Остальное было просто нудной работой. Необычное оружие, сувениры, даже приличные сапоги – все это требовало времени. Новые офицеры, прибывавшие по ротации, срывали дорогие его сердцу сделки в безопасных зонах, где не велось военных действий.

Второй проблемой стала конкуренция. Довольно скоро Хоби понял, что он не уникален, хотя таких, как он, мало. В игру вступили другие парни. Начал развиваться свободный рынок.

Случалось так, что от сделок с ним отказывались. Клиенты уходили, заявив, что в другом месте цены лучше. Его это потрясло.

Меняться и приспособливаться. Он хорошенько обдумал ситуацию, провел целый вечер в полном одиночестве, лежа на узкой койке в своем бараке. И придумал. Зачем охотиться за определенными вещами, которые трудно найти и будет становиться все труднее? Зачем выскидывать какого-нибудь врача и спрашивать его, что он хочет получить за вываренный и очищенный череп вьетнамского солдата? Зачем потом добывать то, что он попросил, и нести ему в обмен на череп? Зачем тратить на это силы? Почему бы не заняться самой распространенной и доступной вещью во Вьетнаме?

Американские доллары! Он стал давать деньги в долг. Позже, в период выздоровления, когда у него было много времени на чтение, он только печально улыбался, вспоминая об этом. Его деятельность являлась классической демонстрацией законов прогресса. Примитивные общества начинают с обмена товарами, затем у них появляются деньги и настоящая экономика. Нет никаких сомнений в том, что американское присутствие во Вьетнаме начиналось как первобытное общество. Примитивное, лишенное удобств, дезорганизованное, ползающее по грязной земле этой ужасной страны. Время шло, и оно разрасталось, обустроивалось, становилось более зрелым. Оно взрослело, и Хоби стал его первым представителем, выросшим вместе с ним. Первым и на довольно долгое время единственным. Это стало источником его гордости за себя. Он оказался умнее, с более развитым воображением, лучше готов к переменам, умел приспособиться и благодаря всему этому получать прибыли.

Наличные деньги являлись ключом ко всему. Если ты хочешь получить новые сапоги, или героин, или девушку, которую какой-то бессовестный врун выдает за девственницу двенадцати лет, одолжи денег у Хоби. Ты можешь удовлетворить свое желание сегодня, а заплатить за него через неделю, плюс несколько процентов для Хоби, который мог просто сидеть на месте, как жирный паук в своей паутине. Никакой беготни, никакой конкуренции. Он много об этом думал и довольно скоро понял, какой психологической властью обладают цифры. Маленькие цифры, например 9, кажутся ничего не значащими и дружелюбными. Девять процентов были его любимой ставкой. Почти ничего. Девять – крошечная закорючка на бумаге. Одна цифра. Меньше десяти. Действительно практически ничего. Так на это смотрели все остальные. Но девять процентов в неделю дают 468 процентов в год. Если должник не возвращал деньги через неделю, в дело вступал сложный процент. И 468 процентов быстро превращались в тысячу. Но никто ничего не замечал. Никто, кроме Хоби. Они все видели цифру 9, простую, маленькую и дружелюбную.

Первым его злостным должником стал здоровенный парень, дикий, злобный и не совсем нормальный. Хоби улыбнулся и простил ему долг, а взамен предложил оплатить за такую щедрость – стать его помощником и взять на себя обязанность выбивать долги из несговорчивых клиентов. После этого у Хоби закончились все проблемы. Найти метод устрашения оказалось совсем не просто. Ломать руки или ноги? Но тогда пострадавшего должника отправят за линию фронта, где он окажется в полной безопасности в окружении белых халатов, которые с легкостью поверят любой сочиненной им героической истории о том, как он получил свое «ранение». Серьезное увечье станет причиной инвалидности, вследствие чего человека уволят из армии и отправят в Штаты. Какое уж тут устрашение? Никакого.

Хоби и его помощник придумали использовать «пики панджи», изобретение вьетнамцев – маленькие острые спицы из дерева, смазанные дерьмом буйвола, которое само по себе ядовито. Вьетнамцы прятали их в неглубоких ямках, а американцы наступали на них, получали заражение и лишались ноги. Помощник Хоби целился в мошонку должников, и те, как правило, приходили к выводу, что длительное лечение и даже возможность возвращения домой не стоят тех денег, что они ему задолжали.

К тому времени, когда Хоби обгорел и лишился руки, он стал очень богатым человеком. Его следующей задачей было доставить свое состояние домой в целостности и сохранности, причем так, чтобы никто о нем не узнал. Провернуть такое смог бы не каждый, в особенности учитывая обстоятельства, в которых находился Хоби. И успешное решение этого вопроса явилось еще одним доказательством его исключительности. Да и вся дальнейшая история. Хоби прибыл в Нью-Йорк после длительного кружного путешествия, став инвалидом и уродом, и мгновенно почувствовал себя дома. Манхэттен представлялся ему джунглями, ничем не отличавшимися от джунглей Индокитая, и причин менять схему своего поведения он не видел. А также заводить другой бизнес. Только на сей раз он стартовал, имея серьезный начальный капитал.

Он занимался ростовщицеством много лет. Построил настоящую империю. У него был капитал и была репутация. Шрамы от ожогов и крюк играли огромную роль – для внешней стороны дела. У него появилась армия помощников. Он прикармливал бесконечные волны и поколения эмигрантов и бедняков. Сражался с итальянцами, чтобы остаться в своем бизнесе. Платил целым взводам копов и прокуроров, чтобы быть невидимым.

Затем Хоби совершил второй прорыв. Подобно первому, он стал результатом серьезных радикальных размышлений и ответом на возникшую проблему. Причем довольно дурацкую проблему. Хоби владел миллионами на улицах, но занимался грошовыми сделками. Тысячи разных предприятий, сотня баксов здесь, сто пятьдесят там, девять или десять процентов в неделю, пятьсот или тысяча процентов в год. Куча бумажной работы, бесконечные склоки, необходимость постоянно куда-то нестись. А потом Хоби сообразил, что малое может привести к большому. Эта мысль явилась ему как озарение. Пять процентов от корпорации, которая стоит миллион баксов, дадут ему в неделю больше, чем пятьсот процентов в год от какой-нибудь мелкой операции на улице. Хоби пришел в страшное возбуждение. Остановил все сделки и при помощи самых жестких методов заставил должников расплатиться. Он купил себе хорошие костюмы и снял помещение под офис. И на следующий день начал одалживать деньги корпорациям.

Это был гениальный шаг. Хоби сумел разглядеть невидимую область, лежащую чуть в стороне от традиционной коммерческой практики. Ему удалось получить армию клиентов, которые стояли на самом краю и с которыми банки отказывались иметь дело. Огромную армию людей, оказавшихся в отчаянном положении. А самое главное, они представляли собой легкую добычу. Мягкотелые, воспитанные мужчины в дорогих костюмах приходили к нему, чтобы получить миллион долларов, и в этом случае Хоби рисковал гораздо меньше, чем когда одалживал сто пятьдесят баксов бедняку, живущему с блохастой собакой в грязном многоквартирном доме. Мягкотелых, воспитанных людей легко напугать. Они не знали, что такое суровая реальность жизни. Хоби выпустил на поле боя своих головорезов, а сам сидел и наблюдал, как его клиентура сократилась до горстки, средние размеры займов увеличились в миллионы раз, проценты взлетели в стратосферу, а прибыли выросли настолько, что он даже представить себе такого не мог. Малое приводит к большому.

Это был замечательный бизнес, и Хоби отлично себя в нем чувствовал. Разумеется, время от времени у него возникали проблемы. Он поменял тактику устрашения. Его новые воспитанные должники были уязвимы благодаря своим семьям. Женам, дочерям, сыновьям. Как правило, хватало простых угроз. Иногда приходилось предпринимать действия. Часто он получал от этого удовольствие. С мягкотелыми, живущими в пригородах женами и дочерьми можно очень неплохо развлечься. Дополнительный бонус. Чудесный бизнес. И все благодаря его способности меняться и приспосабливаться. В глубине души Хоби знал, что главным его талантом является гибкость. Он обещал себе никогда об этом не забывать. Вот почему он сидел в полном одиночестве в своем кабинете, прислушивался к тихим звукам, пронизывающим огромное здание, думал и менял свое решение.

В пятидесяти милях к северу от него, в Паунд-Ридже, Мэрилин Стоун тоже приняла решение. Она была умной женщиной и поняла, что у Честера финансовые проблемы. Ничего другого просто не могло быть. Она точно знала, что дело не в любовнице. Когда мужья заводят на стороне интрижки, это можно увидеть по некоторым признакам. Ничего подобного Мэрилин не наблюдала. А других причин для беспокойства быть не могло. Значит, деньги.

Сначала Мэрилин решила подождать. Просто тихонько сидеть до тех пор, пока Честер не выдержит и не выложит ей все свои проблемы. Она планировала дождаться этого дня, а потом начать действовать. Мэрилин могла справиться с самой сложной ситуацией, как бы далеко она ни зашла, включая долги, неплатежеспособность, даже банкротство. Женщины отлично умеют управляться с трудными проблемами, намного лучше мужчин. Она могла предпринять практические шаги, предложить мужу утешение, проложить дорогу среди руин, не страдая от унижительного чувства беспомощности, которое обязательно охватит Честера.

Но ей пришлось изменить свое решение. Мэрилин больше не могла ждать. Беспокойство буквально убивало Честера. Поэтому она поняла, что должна действовать, зная, что разговаривать с ним бессмысленно. Инстинкт подсказывал ему, что он должен скрывать от нее свои неприятности. Честер не хотел ее расстраивать. Он станет все отрицать, а ситуация будет постоянно ухудшаться. Значит, ей придется спасти его и себя в одиночку.

Самым очевидным шагом было выставить дом на продажу, связавшись с какой-нибудь компанией недвижимости. Вне зависимости от серьезности проблемы, вставшей перед Честером, дом, скорее всего, придется продать. Мэрилин не знала, хватит ли вырученных за него денег. Они могут помочь, но, возможно, этого будет недостаточно. Но начинать следовало с дома.

Богатая женщина, живущая в Паунд-Ридже, такая как Мэрилин, имеет достаточное количество связей в мире недвижимости. Ступенькой ниже на общественной лестнице стоят женщины, чувствующие себя вполне уютно, не будучи очень богатыми, и работающие на компании по продаже недвижимости. Речь, естественно, не идет о полной занятости, они делают вид, что это хобби и что внутренняя отделка домов интересует их больше, чем собственно коммерция. Мэрилин с ходу назвала бы четырех подружек, к которым могла бы обратиться. Она положила руку на телефон, пытаясь решить, кого выбрать. В конце концов она остановилась на женщине по имени Шерил, которую знала хуже остальных, но подозревала, что она самая деловая из всех. Шерил серьезно относилась к своей работе, а именно это и требовалось Мэрилин. Она набрала номер.

– Мэрилин, как я рада, что ты позвонила, – сказала Шерил. – Я могу тебе чем-то помочь? Мэрилин набрала в грудь воздуха.

– Возможно, мы будем продавать дом, – сказала она.

– И ты обратилась ко мне? Мэрилин, большое тебе спасибо. Но почему вы решили продавать дом? У вас такое замечательное место. Вы решили переехать из штата?

Мэрилин сделала еще один глубокий вдох.

– Мне кажется, Честеру грозит банкротство. Я не хотела бы об этом говорить, но мне представляется, что нам необходимо быть ко всему готовыми.

Никакой паузы. Ни колебаний, ни замешательства.

– Я думаю, ты поступаешь мудро, – сказала Шерил. – Многие слишком долго тянут, а потом продают свою собственность в страшной спешке и теряют деньги.

– Многие? Такое часто случается?

– Ты шутишь? Мы видим подобные ситуации постоянно. Нужно как можно раньше посмотреть правде в глаза и получить настоящую цену. Поверь мне, ты все делаешь правильно. Впрочем, для женщин это характерно, потому что мы разбираемся в подобных вещах лучше мужчин, так ведь?

Мэрилин выдохнула и улыбнулась телефонной трубке, чувствуя, что приняла верное решение и не ошиблась в выборе агента.

– Я внесу вас в список немедленно, – сказала Шерил. – Предлагаю назначить цену в два миллиона без двух долларов, чтобы получить миллион девятьсот тысяч. Это возможно, и, думаю, желающие найдутся быстро.

– Насколько быстро?

– Учитывая сегодняшний рынок и место? – уточнила Шерил. – Шесть недель. Полагаю, мы можем гарантировать, что первое предложение поступит через шесть недель.

Доктора Макбаннерман по-прежнему очень беспокоил вопрос конфиденциальности, и хотя она дала им адрес мистера и миссис Хоби, но продиктовать номер телефона отказалась. Джоди не видела логики в ее действиях, но ей показалось, что доктору так легче, и потому она не стала настаивать. Пожав доктору руку, она вместе с Ричером вышла через приемную на улицу, к своей машине.

– Какое странное ощущение, – сказала она. – Ты видел людей в приемной?

– Видел, – ответил Ричер. – Старики, одной ногой в могиле.

– Папа тоже так выглядел в самом конце. Боюсь, старый мистер Хоби недалеко от него ушел. Как же так получилось, что дело, которое они затеяли, привело к гибели людей?

Они сели в машину, и Джоди потянулась за телефоном. Ричер завел мотор, а Джоди набрала номер справочной службы. Хоби жили к северу от Гаррисона, за Брайтоном, в следующем городке по железнодорожной ветке. Она записала телефонный номер карандашом на листке бумаги, вырванном из блокнота, и тут же его набрала. Довольно долго никто не брал трубку, наконец ей ответил слабый женский голос:

– Слушаю.

– Миссис Хоби? – спросила Джоди.

– Да, – прозвучало снова не слишком уверенно.

Джоди представила себе пожилую, немощную женщину, седую, очень худую, скорее всего, в ярком халате, сидящую с телефонной трубкой в руке в старом темном доме, где витают застаревшие запахи еды и мастики для мебели.

– Миссис Хоби, я Джоди Гарбер, дочь Леона Гарбера.

– Да? – повторила женщина.

– К сожалению, он умер пять дней назад.

– Да, я знаю, – сказала женщина грустным голосом. – Нам сказала медсестра доктора Макбаннерман на вчерашнем приеме. Меня эта новость очень огорчила. Он был так добр к нам. Он нам помогал. И рассказал о вас. Вы адвокат. Я сочувствую вашей утрате.

– Спасибо, – ответила Джоди. – Не могли бы вы рассказать, в чем он вам помогал?

– Ну, сейчас это уже не имеет значения, так ведь?

– Не имеет? Почему?

– Потому что ваш отец умер, – сказала женщина. – Понимаете, боюсь, он был нашей последней надеждой.

Она сказала это очень тихо и печально. А в конце предложения прозвучала нотка безнадежности и трагической беспомощности, словно ей пришлось отказаться от надежды, которую она долго лелеяла и об исполнении которой мечтала. Джоди живо представила ее: иссохшая рука прижимает телефонную трубку к уху, одна-единственная слезинка блестит на бледной, худой щеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.